СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II

№ 12.

Декабрь 1913 года.

МИНУСИНСКЪ.
Типографія А. Ф. Метелкина
1913.

Убійство Сабанскаго.

Въ то время, когда въ Ялуторовскѣ жили декабристы, городъ былъ потрясенъ ужаснымъ преступленіемъ. Былъ убитъ въ своей квартирѣ ссыльный Сабанскій, ссылку котораго въ Ялуторовскѣ ставили въ прямую связь съ декабрьскимъ возстаніемъ.

Сабанскій былъ человѣкъ состоятельный. Жилъ онъ одиноко въ собственномъ особнякѣ, имѣлъ лошадей и даже повара; этотъ то поваръ и сыгралъ роковую роль въ жизни Сабанскаго.

Однажды Сабанскій былъ въ гостяхъ у Балакшина; возвратившись отъ него уже въ два часа ночи, Сабанскій прошелъ къ себѣ, сказавъ кучеру, что онъ свободенъ и можетъ идти въ людскую.

На утро прислуга, обезпокоенная долгимъ сномъ барина, заглянула въ окно и подняла переполохъ. Сабанскій оказался убитымъ.

Прибывшія власти констатировали звѣрское преступленіе, Сабанскій былъ зарѣзанъ нѣсколькими ударами ножа въ шею. Картина, представившаяся глазамъ первымъ вошедшимъ въ комнату, была ужасна. Сабанскій лежалъ ничкомъ, уткнувшись въ молитвенникъ, который держалъ въ рукахъ, развернутымъ на „отходной“ молитвѣ. Кровь отъ удара ножемъ брызнула на стѣну и на ней образовалось огромное пятно. Вся комната была залита кровью и мебель и стѣны забрызганы ею.

Сундуки и шкафы были изломаны и цѣнныя вещи и деньги похищены.

Подозрѣніе сначала пало на кучера, котораго взяли въ острогъ и, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, пытали, но потомъ, въ связи съ исчезновеніемъ повара покойнаго, заподозрили въ убійствѣ его и, надо отдать справедливость тогдашней Ялуторовской полиціи, подняли на ноги весь край.

Недѣли черезъ двѣ, гдѣ то подъ Тюменью, были пойманы трое бродягъ, оказавшихся поваромъ и двумя его товарищами. Бродяги не долго запирались. Вскорѣ одинъ изъ нихъ, болѣе слабый, сознался какъ было совершено преступленіе.

Иниціаторомъ убійства оказался поваръ, прослужившій, у Сабанскаго три года. Когда Сабанскій въ роковую ночь вошелъ въ домъ, убійцы уже ждали его тамъ. Собанскій страстно просилъ оставить ему жизнь. Онъ отдавалъ грабителямъ все имущество и клялся никогда не доносить на нихъ. Оба бродяги сжалились было надъ нимъ и предлагали связать его и посадить въ подполье, а самимъ тотчасъ бѣжать. Тѣмъ болѣе, —говорили они,—что все равно подозрѣніе падетъ на насъ и за убійство насъ съ большимъ стараніемъ будутъ искать и тяжелѣе накажутъ, чѣмъ за грабительство по жалобѣ Сабанскаго, если онъ и не сдержитъ клятвы, но поваръ остался непреклоннымъ. Тогда Сабанскій сталъ просить, чтобы разрѣшили умереть по христіански, покаявшись въ грѣхахъ, и это разрѣшеніе ему было дано; когда несчастный, стоя на колѣняхъ, прочелъ себѣ отходную молитву,—поваръ ударилъ его ножемъ въ горло.

Варварское преступленіе возмутило тихій и мирный городокъ. Какъ общественное мнѣніе, такъ и власти были сильно возмущены убійцами. Повара охранялъ усиленный нарядъ караульныхъ, такъ какъ боялись самосуда толпы.

Когда было окончено слѣдствіе и судъ приговорилъ убійцъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на вѣчно въ каторжныя работы, изъ Тюмени былъ выписанъ знаменитый въ то время заплечный мастеръ, которому администраціей было приказано запороть повара на смерть.

Утромъ, въ день совершенія казни, толпа народа окружила невысокій помостъ—„кобылу“. По помосту ходилъ огромнаго роста и широкоплечій мужикъ съ бритой бородой, длинными усами и копной курчавыхъ волосъ. Онъ былъ въ красной рубахѣ и широкихъ плисовыхъ шароварахъ. При ходьбѣ онъ игриво помахивалъ толстымъ кнутомъ. Это былъ Тюменскій палачъ, который, какъ говорили, могъ съ двухъ ударовъ убить чело вѣка. Два другихъ заплечныхъ мастера—нашъ Ялуторовскій и Тобольскій стояли у своихъ мѣстъ.

Не буду описывать самый процессъ казни. Да, признаться, и не выдержалъ я картины,—ушелъ домой, но Тюменскій палачъ сдержалъ слово и запоролъ повара до смерти.

По поводу убійства товарища по несчастью, у декабристовъ состоялось нѣсколько собраній, на которыхъ оживленно комментировалось событіе.

Въ общемъ на декабристовъ преступленіе подѣйствовало угнетающимъ образомъ. Собанскаго жалѣли.

Сергѣй Семеновъ.

Гора „Шапка“ на р. Амурѣ.

(Матеріалы къ изученію памятниковъ древности на р. Амурѣ).

Гора „Шапка“. Легенда объ этой горѣ. Описаніе горы по личнымъ наблюденіямъ. Мѣстности, исторически связанныя съ горой „Шапкой“. Историческія данныя о народахъ, проживавшихъ въ древнее время въ средней части Амура. Завоевательное движеніе русскихъ по Амуру: Поярковъ, Хабаровъ. Описаніе археологическихъ коллекцій, добытыхъ на „Шапкѣ“ и прочихъ мѣстахъ Амура. Заключеніе о культурѣ народовъ, жившихъ на горѣ „Шапкѣ“ и ея окрестностяхъ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1910 г. я, по порученію Амурскаго Отдѣла О-ва изученія Сибири и улучшенія ея быта, совершилъ небольшую археологическую экскурсію въ Поярковскій станичный округъ.

Давно приковывала къ себѣ мое вниманіе легендарная гора „Шапка“, находящаяся въ окрестностяхъ ст. Поярковой, вблизи мѣста впаденія р. Завитой въ р. Амуръ. У ороченъ существуетъ легенда, объясняющая это странное названіе горы, такъ какъ у ней внѣшняго сходства съ шапкой нѣтъ никакого. Даже самая богатая фантазія не можетъ нарисовать головной уборъ столь причудливой формы, а если бы искусныя руки модной шляпницы и создали нѣчто, напоминающее эту гору, то сомнѣваюсь, чтобы даже самая записная франтиха рѣшилась украсить свою голову столь оригинальнымъ сооруженіемъ.

Легенда повѣствуетъ такъ.

Давно это было. Такъ давно, что уже всѣми забыто. Самые дряхлые старики, глаза которыхъ видятъ плохо,—такъ плохо, что они уже не могутъ отличать бѣлку отъ соболя,—едва вспоминаютъ слышанное отъ дѣдовъ. Когда же все это было—никто не знаетъ, кромѣ самой Шапки и старика Амура, единственныхъ свидѣтелей добраго стараго времени.—Того времени, когда дауры были великимъ могущественнымъ народомъ, никому не платили дани и имѣли лошадей.

Въ то время тамъ, гдѣ теперь стоитъ гора „Шапка“, было совершенно ровное мѣсто—такое ровное, какъ теперь

на далекое протяженіе отъ „Шапки“. На этой равнинѣ жили три князя, три родныхъ брата. Два брата были еще малолѣтни и всей землей правилъ старшій братъ. Маленькіе орлята подросли, расправили свои крылышки и захотѣли неограниченной власти. Пришло время братьямъ раздѣлиться. Младшій братъ со своимъ народомъ сѣлъ вблизи того мѣста, гдѣ теперь стоитъ хуторъ Ново-Петровскій, другой на вершинѣ утеса, что выходитъ въ Голешкину протоку, а старшій остался на старомъ мѣстѣ. Всѣ братья принялись укрѣплять свои владѣнія.

Старшій братъ самый могучій изъ князей, гордый многочисленностью подвластныхъ племенъ, собралъ на равнину всѣхъ своихъ подданныхъ и приказалъ каждому изъ нихъ набрать въ шапку земли и высыпать въ указанное мѣсто. Такъ выросла „Шапка“ и стоитъ до сего времени, гордо возвышаясь надъ окрестной равниной. Давно сгнили кости гордаго князя, народъ его разсѣялся и послѣдніе представители влачатъ жалкое существованіе и близки къ полному исчезновенію съ лица земли, а дѣло рукъ ихъ—гора „Шапка“ стоитъ безмолвнымъ свидѣтелемъ былого прошлаго.

Эту легенду мѣстный поэтъ казакъ И. Измайловъ мастерски передалъ въ приводимомъ ниже стихотвореніи „Шапка!“ Для любителей мѣстной поэзіи привожу это стихотвореніе полностью.

Я медленно ѣду равниной открытой,
Кой-гдѣ по ложбинамъ кустами покрытой.
Налѣво пестрѣютъ покосы и нивы,
Направо синѣютъ Амура извивы,
А прямо, вотъ памятникъ прошлаго вѣка,
Стоитъ, сохраняя слѣдъ дѣлъ человѣка,
Гора, въ народѣ ей „Шапка“ названье:
Маньчжуръ повѣствуетъ сѣдое преданье,
Что встарь эту гору ихъ предки создали
И землю для этого въ шапкахъ таскали.
Какъ поясъ по ней, освященный вѣками,
Высокій и прочный чернѣется валъ;
За нимъ, къ вершинѣ рядами,
Траншеи тѣснятся..... но кто ихъ копалъ?
Казаки ли паши, чужія-ль народы,
На „Шапкѣ“ застигнуты крайней нуждой,
Когда то въ былые далекіе годы,
Спасались гонимыя грозной войной?
Отвѣта не слышно—лишь дубъ и береза,
Что въ валъ многолѣтніе корни пустили,

Душѣ навѣваютъ неясныя грезы,
Рисуя картины изъ сказочной были,
Да дѣтямъ своимъ говорятъ старожилы
Когда появились здѣсь русскія силы
И стали селиться, нерѣдко пѣтухъ,
Зарею, съ той „Шапки“ тревожилъ ихъ
слухъ.
О чемъ предвѣщалъ онъ оттуда, зачѣмъ?
Недознано также понынѣ никѣмъ...

Изъ словъ этой незамысловатой легенды можно заключить, что орочены утверждаютъ искусственное происхожденіе горы „Шапки“. И дѣйствительно, при ближайшемъ изслѣдованіи горы, получились такіе результаты.

Съ южной стороны „Шапки“ отчетливо сохранились слѣды главныхъ воротъ крѣпости, изъ которыхъ направо шла дорога на примыкавшую къ горѣ равнину. Ворота крѣпости, изнутри, были обнесены особымъ земляпымъ валомъ, въ лѣвой части своей подходившимъ вплотную къ валу крѣпостному; отъ главной дороги у мѣста, гдѣ оканчивается предворотный валъ, шла другая дорога, имѣвшая каменный мостъ черезъ протекавшую вблизи рѣчку и проходившая прямо къ Амуру. На этой же южной сторонѣ видны слѣды рва, идущаго отъ рѣчки къ подошвѣ горы и какъ бы скрывающагося въ этой послѣдней, что даетъ поводъ предполагать существованіе въ горѣ подземнаго хода, имѣвшаго цѣлью, прежде всего, доступъ къ водѣ.

Западная сторона „Шапки“ очень высока и обрывиста; на ней также видны слѣды рва, идущаго отъ подножія горы къ водному бассейну, расположенному на равнинѣ, на которую выходитъ дорога изъ южныхъ воротъ крѣпости.

Сѣверная сторона является наиболѣе интересной въ томъ отношеніи, что имѣетъ второй валъ, примыкающій къ основной крѣпости полукругомъ и представляющій собой довольно солидное самосостоятельное сооруженіе.

Восточная сторона „Шапки“, сходная, въ общемъ, съ западной, разнясь отъ нея лишь тѣмъ, что имѣетъ на себѣ продолженіе сѣвернаго (наружнаго) вала, сливающагося на восточной сторонѣ съ верхнимъ крѣпостнымъ валомъ,—приблизительно на срединѣ протяженія послѣдняго по этой сторонѣ.

По верху крѣпости тянется земляной валъ, имѣющій до $1^1/_2$ верстъ въ окружности; высоты валъ неодинаковой: отъ $1^1/_2$ саженъ въ южныхъ воротахъ до 3-хъ саж. слишкомъ на сѣверѣ. Здѣсь валъ имѣетъ вторыя ворота, ведущія на обширную поляну, обнесенную вторымъ (наружнымъ) валомъ.

Войдя въ крѣпость черезъ южныя ворота, можно видѣть ровную площадку, довольно большого размѣра, служившую, можетъ быть, мѣстомъ народныхъ собраній или упражненія войскъ. Направо отъ площадки находится небольшой четыреугольникъ, обнесенный невысокимъ валомъ и сохранившій въ себѣ слѣды ямъ—древнихъ жилищъ; здѣсь, надо полагать, находилась княжеская ставка. Налѣво отъ площадки, подымаясь въ гору, идетъ дорога, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся правильные ряды валовъ, служившихъ, повидимому, прикрытіемъ для стрѣлковъ; за валами видны слѣды ямъ—жилищъ. Мѣсто занимаемое этими послѣдними, по сохранившимся въ устной передачѣ разсказамъ первыхъ насельниковъ ст. Поярковой, имѣло по срединѣ отверстіе на подобіе трубы; Поярковскій священникъ о. Василій Сухановъ, ходившій лѣтъ 40 тому назадъ на „Шапку“, видѣлъ отверстіе, и предлагалъ сопровождавшимъ его казакамъ спуститься по веревкѣ въ отверстіе, но смѣльчака не нашлось, такъ какъ брошенный въ отверстіе камень производилъ впечатлѣніе, будто онъ летѣлъ въ очень глубокую пропасть.

Въ настоящее время слѣдовъ отверстія совершенно не видно, можно думать, что искусственно сооруженная верхняя часть укрѣпленія постепенно осѣдала, и такимъ образомъ, отверстіе закрылось. Отъ южныхъ воротъ проходитъ дорога черезъ всю крѣпость къ сѣвернымъ воротамъ внутренняго вала; за этими воротами лежитъ большая терраса, обнесенная полукружнымъ валомъ и вся покрытая ямами; очевидно, здѣсь находилось главное мѣстожительство крѣпостного населенія.

Все изложенное ясно показываетъ, что гора „Шапка“ сооруженіе искусственное и приспособленное къ военнымъ цѣлямъ въ качествѣ укрѣпленія. Это еще подтверждаетъ и составъ почвы горы, указывающій на то, что она нанесена съ береговъ рѣкъ, и обиліе-гладко обточенной водой гальки и присутствіе рѣчника. Да и самое положеніе горы посреди гладкой низменной равнины не естественно.

Что же касается двухъ другихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ легендѣ, то они также весьма интересны и стоятъ того, чтобы объ нихъ сказать нѣсколько словъ.

1. Въ разстояніи одной версты отъ хутора *Ново-Петровскаго расположено городище*, обнесенное съ четырехъ сторонъ земляным валомъ, высотою отъ 1 до 3 саженъ. Съ южной стороны валъ имѣетъ 420 шаговъ, 1 ворота, шириною 12 шаговъ и 3, въ томъ числѣ 2 боковыя, земляныя башни; длиною въ 12 шаговъ, съ западной, 950 шоговъ; 5 воротъ, 7 башенъ, изъ которыхъ 2 двойного размѣра.

Внутри городища, отъ востока къ западу, идетъ внутренній валъ, съ 6 башнями, не считая 2 башенъ наружнаго вала, которыя онъ соединяетъ; на разстояніи 100 шаговъ отъ восточнаго вала крѣпости внутренній валъ имѣетъ ворота, защищенныя особымъ полукружнымъ валомъ, съ 2 башнями по концамъ. Пройдя въ ворота и сдѣлавъ около 130 шаговъ, доходимъ до четыреугольника, обнесеннаго невысокимъ валомъ, по всей вѣроятности, какъ и на „Шапкѣ", мѣстомъ жилища князя. На восточной сторонѣ четыреугольникъ имѣетъ, на разстояніи 10 шаговъ отъ сѣверной стороны, ворота шириною 5 шаговъ. Изъ этихъ воротъ двѣ дороги: одна къ воротамъ внутренняго вала, а другая къ воротамъ южнаго вала крѣпости.

Какъ въ четыреугольникѣ, такъ и въ самой крѣпости, и за внутреннимъ валомъ ея и между послѣднимъ и наружнымъ валомъ—видны многочисленные слѣды ямъ—жилищъ.

2. Верстахъ въ 14 отъ Ново-Петровскаго по Голешешкиной протокѣ Амура на самой вершинѣ весьма живописнаго, почти отвѣснаго, утеса расположена небольшая *крѣпостца*, сооруженная, по преданію, третьимъ братомъ. Крѣпостца обнесена земляпымъ валомъ, длиною до 750 шаговъ, одинарнымъ со стороны утеса и двойнымъ въ остальной части; на югѣ и сѣверѣ валъ имѣетъ двое воротъ. Внутри крѣпости видно много ямъ—жилищъ.

3. Въ прямой связи съ описанными историческими памятниками находится *кладбище на р. Завитой*. Если отъ „Шапки" снуститься къ р. Завитой и переправиться черезъ нее на лодкѣ, то мы сразу попадемъ на обширное древнее кладбище. Оно поросло некрупнымъ лѣскомъ и травой. Расположено кладбище на высокомъ берегу, такъ что въ самую большую воду его не топитъ. Могилы легко узнать по впадинамъ въ землѣ. Впадины котлообразной формы глубиною отъ1—1½ аршинъ. Эти впадины образовались, вѣроятно, отъ того, что устраиваемые внутри могилъ деревянные срубы, огнивая, осѣдали и земля, опускаясь, образовывала впадину. По глубинѣ и діаметру впадины можно судить и о величинѣ сруба.

Это предположеніе оправдывается обычаемъ ороченъ, прямыхъ потомковъ дауровъ, устраивать въ могилахъ срубы —гроба. Кладбище это довольно обширное и такъ какъ вблизи слѣдовъ поселеній не видно, можно предполагать, что покойниковъ сюда привозили съ горы „Шапки". Вѣроятно, это дѣлалось потому, что на „Шапкѣ" лѣса не было, а здѣсь былъ лѣсокъ, который играетъ нѣкоторую роль въ религіоз-

ныхъ церемоніяхъ погребенія усопшихъ. По справедливости это кладбище можно назвать мертвымъ предмѣстьемъ „Шапки".

Я предлагаю вниманію читателей 4 историческохъ памятника не потому, что ихъ больше нѣтъ; наоборотъ, ихъ слишкомъ много, но считаю достаточнымъ упомянуть лишь объ нихъ, чтобы представить то богатство для науки, которое пока находится подъ спудомъ.

Интересно бы, конечно, выяснить вопросы: кто и когда населялъ эти мѣста?

Какова была культура этого народа? Гдѣ теперь этотъ народъ?

Въ русской литературѣ вовсе не имѣется свѣдѣній о древнѣйшемъ населеніи Амурскаго края. У китайскихъ историковъ эти свѣдѣнія имѣются, но въ большинствѣ случаевъ они настолько фантастичны, что не имѣютъ научнаго значенія.

Начальникъ православной духовной миссіи въ Пекинѣ о. Іокинфъ Бичуринъ въ своемъ сочиненіи „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена" говоритъ слѣдующее.

Еще во времена древней династіи Чжеу въ нынѣшней Маньчжуріи царствовалъ домъ *Сушень*. Съ небольшимъ за два вѣка до Р. Х. мѣсто его заступилъ домъ *Илоу*, который въ IV вѣкѣ по Р. Х. переименовался въ *Уи* (Уцзи) и раздѣлился на семь большихъ аймаковъ. Въ VI вѣкѣ изъ семи аймаковъ усилился аймакъ Хей-шуй-бу (т. е. Амурскій), а въ началѣ VII вѣка онъ отдѣлился отъ Уги, принялъ народное названіе *„Амурскихъ Мохэ"* и въ непродолжительномъ, затѣмъ, времени раздѣлился на 16 новыхъ аймаковъ. Въ VII же вѣкѣ одинъ изъ амурскихъ аймаковъ Мохэ, по имени *Сумо*, быстро усилился и владѣтель его, Бэйлы Цицикъ-Чжунъ-сянъ, подчинивъ большинство племенъ, положилъ основаніе первому маньчжурскому государству, извѣстному въ исторіи по имени Бохайскаго. Оно пало въ 924 г. въ борьбѣ съ *Киданьскимъ императоромъ Тай-цзу-Ѣлюй Ашба-Гянемъ*, сумѣвшимъ въ самый короткій срокъ изъ небольшого наслѣдственнаго аймака, земли котораго въ началѣ едва обнимали оба берега верхняго теченія Амура, создать обширнѣйшую монархію, включившую, между прочимъ, въ предѣлы свои и всѣ маньчжурскія земли.

Національность *киданей* точно не установлена Нѣкоторые причисляютъ ихъ къ монгольскому племени, другіе же къ тунгузскому.

Грумъ-Гржимайло относитъ киданей къ тунгузскому пле

мени и высказываетъ предположеніе, что кидане есть тотъ народъ, который жилъ первопачально вдоль береговъ Татарскаго пролива, поевшихъ въ старину названіе земли Итань или Китань, что значитъ „красные дикари“.

Васильевъ, популяризовавшій сочиненія Іакинфа Бичурина, вотъ что говоритъ о киданяхъ.

Киданей (*датане*, *татане*), собственно, должно принимать за одно съ сяньбійцами, прозвавшимися такъ отъ горы Сяньби, которую они заняли и гдѣ защищались, когда были разбиты гуннами при Ханьской династіи, Впослѣдствіи, при династіи Вэй, они поселились на югъ отъ нынѣшней рѣки Ляо-хэ и прозвались Циданями. *)

Сѣверные роды киданей назывались, однако, именемъ Шивэй или Шигай. Земля ихъ начиналась въ 1000 ли отъ Холуня; они жили лѣтомъ въ горахъ, а зимой перекочевывали съ мѣста на мѣсто **).

Замѣтимъ, что въ монгольскомъ языкѣ есть слово шибэ „крѣпость“, что можно принять въ смыслѣ города. Если принять за основательное замѣчаніе, что шивэйцы (названные здѣсь киданями) жили на мѣстахъ, которыя при Тапской династіи принадлежали Хэй-шуй Мо-хэ (или мохэцамъ) Черной рѣки, т. е. Амура, то мы можемъ заключить, что *кидане были сопленены мохэцамъ,* и что, по усиленіи, они дали общее имя и племенамъ Мо-хэ, которыя, несомнѣнно, принадлежали къ маньчжурскому племени. Извѣстно, что нынѣшнія поколѣнія дауровъ и солоновъ, въ которыхъ видятъ остатокъ киданей или скорѣе шивэйевъ, также ближе къ маньчжурамъ, чѣмъ къ монголамъ. Говоря о киданяхъ, собственно, исторія говоритъ, что они составляли 8 родовъ, а говоря о киданяхъ на земляхъ чернорѣчныхъ мохэцевъ, она насчитываетъ ихъ до 72-хъ.

Китайская исторія Мэн-хуна по поводу происхожденія Татаніи говоритъ, что предки татаней суть потомки мохэцевъ. Этотъ народъ въ IV—VII вв. назывался Уцзи, а при династіи Суй сталъ называться Мохэ. Земля его лежала въ 6000 ли на сѣверо-востокъ отъ Чанъ-ани (столицы Китая, въ провинціи Шэньси) и далѣе на востокъ простиралась до бе-

*) Впрочемъ, неизвѣстно, не сами ли китайцы дали имъ это имя, потому что въ исторіи говорится постоянно, что они общаго имени не имѣли, и во время Танской династіи находились отъ нея въ зависимости.

**) Очевидно, это наоборотъ.

реговъ океана. Мохэсцы раздѣлялись на нѣсколько десятковъ поколѣній, каковы: чернорѣчныя, бѣлорѣчныя и проч. Бѣлорѣчныя собственно зависѣли отъ корейцевъ, но когда Танская династія уничтожила Корею, то они вошли въ составъ Бохайскихъ владѣній. Чернорѣчные же уцѣлѣли и сохранили независимость. Во времена могущества бохайцевъ, всѣ мохэсцы подчинялись имъ; когда же киданне завоевали Бохай, то мохэскія поколѣнія разсѣялись, и тѣ, которые жили при верховьяхъ Кунъ-тунъ-цзяна, въ первый разъ назвались *Нюйчженями*; они были потомки чернорѣчныхъ. Тѣ же, которые жили у горъ Иньшанъ, прозвались *датань* и были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Датаньскіе люди всѣ мужественны, искусны въ сраженіи: тѣ, которые жили поближе къ Китаю, назывались „образованными“ (*жс*-„спѣлый“) датанями; занимались они хлѣбопашествомъ и приготовляли кушанье на огнѣ. Отдаленные же отъ Китая назывались „дикими“ (*шэнъ*-„сырой“), занимались только охотой, не имѣли никакой утвари: на стрѣлы употребляли кости, потому что въ ихъ землѣ не было желѣза. Когда же цзиньцы завладѣли землями на востокъ отъ Хуанъ-хэ, желѣзо и мѣдь перешли къ датанямъ и они надѣлали себѣ оружія. Когда Цзиньское царство было сильно, то датане ежегодно приносили дань. Имперія киданей просуществовала не болѣе двухъ столѣтій, т. е. до 1125 г., когда сѣверо маньчжурскія племена, изъ мохэсцевъ, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ союза *Нюй-чженъ*, возстали подъ предводительствомъ нѣкоего Агуды и не только отвоевали свою независимость, но и уничтожили самое царство киданей. Нюй-чженская имперія просуществовала недолго, въ 1234 году монголы взяли послѣдній оплотъ имперіи-городъ Цай-чжу.

Уничтоживъ Нюй-чженское государство, монголы присоединили къ своимъ владѣніямъ всю Маньчжурію, опустошенную отъ края до края, утратившую большую часть своего народонаселенія и лишившуюся самобытности. Послѣ этого, въ періодъ господства Юанской (монгольской династіи), Маньчжурія вновь погрузилась въ полудикое состояніе, и только однѣ развалины когда то цвѣтущихъ городовъ напоминали о быломъ ея величіи. Разгромъ былъ настолько великъ, что Маньчжурія въ теченіи трехъ вѣковъ не могла оправиться.

Въ 1378 году китайскій императоръ Донъ-Минъ прогналъ монголовъ и распространилъ свою власть на племена, населявшія берега Амура. Постоянно враждовавшія между собой аймаки Маньчжуріи не могли, конечно, оказать какого

либо сопротивленія Китаю и Минская династія послѣ нѣсколькихъ походовъ присоединила эту страну къ своимъ владѣніямъ. Но подчинивъ своей власти разоренную страну, Китай почти пересталъ обращать на нее свое вниманіе, предоставивъ аймакамъ сводить свои счеты, и только изрѣдка, когда ему ужъ очень надоѣдали полудикія племена своими набѣгами, посылалъ экспедиціи для ихъ усмиренія. Но маньчжуры мало по малу окрѣпли, сплотились и, перенявъ у китайцевъ ихъ культуру, не только сбросили съ себя китайское иго, а наоборотъ подчинили себѣ имперію и образовали соединенное китайско-маньчжурское государство подъ наименованіемъ Дайцинской имперіи, основанной въ 1636 году Тайцзуномъ.

Но одновременно съ послѣдними событіями, происходившими въ Китаѣ, на сѣверѣ новой объединенной Дайцинской Имперіи происходили событія, которымъ въ будущемъ суждено было сыграть немаловажную роль. Тамъ же на берегахъ Хейлунцзяна (Амура) впервые появилось невиданное до того времени племя „Іоча“, т. е. русскихъ. Первыя попытки завязать торговыя сношенія Европы съ Китаемъ относятся къ временамъ Іоанна Грознаго, когда въ 1593 г. англичане, получивъ торговыя льготы отъ Москвы, послали Джениксона, но онъ въ предѣлы Китая не проникъ, натолкнувшись на невѣдомыхъ людей и невиданные пути. Черезъ 4 года русскіе люди Бурнашъ, Янышевъ и Петровъ были отправлены въ Зауральскія страны, но также безрезультатно.

Послѣ покоренія Сибири, въ 1636 году впервые разнеслись слухи о рѣкѣ Амурѣ и населявшихъ его народахъ, именуемыхъ даурами, которые занимаются земледѣліемъ и торгуютъ съ Китаемъ. Свѣдѣнія эти были получены отъ какой то партіи охочихъ людей, которые, пройдя вѣроятно по Амуру, вышли въ открытое море, т. е. тѣмъ самымъ путемъ, которымъ впослѣдствіи шелъ Поярковъ. Этими слухами воспользовался якутскій воевода и снарядилъ экспедицію „новыя землицы провѣдать“. Начальствованіе было поручено „письменному головѣ“ Василію Пояркову.

Въ 1643 году съ 132-мя сподвижниками Поярковъ, отправившись изъ Якутска, поднялся вверхъ по Алдану и притокамъ его Угуру и Кенаму, перевалилъ черезъ Становой Хребетъ и, опустившись отсюда по Зеѣ, достигъ Амура. Затѣмъ Поярковъ плылъ вновь по этой рѣкѣ, которая даже и такому неутомимому странствователю должна была казаться безконечной. Возвратиться вверхъ по Амуру было невозможно, и Поярковъ, сообразивъ огромность сдѣланнаго имъ объ-

ѣзда, возвратился съ устья Амура прямой дорогой, черезъ Охотское море къ устью р. Уліи, которая лежитъ немного южнѣе Охотска и на которой якутскіе казаки уже за семь лѣтъ до того стали твердою ногой.

Послѣ трехлѣтняго блужданія Поярковъ вернулся и донесъ, что для завоеванія Амура достаточно 300 человѣкъ. Между прочимъ, онъ говорилъ, что мѣстные жители платятъ ясакъ какому то хану и имѣютъ лучный и огненный бой.

Три года спустя по возвращеніи Пояркова, Ерофей Павловичъ Хабаровъ, родомъ изъ крестьянъ Вологодской губ. изъ Великаго Устюга, съ отрядомъ въ 70 человѣкъ „охочихъ людей", достигъ Амура уже новымъ путемъ, вверхъ по Олекмѣ и потомъ черезъ Урканъ прямо къ верхнему Амуру; ему первому суждено было утвердиться на этой рѣкѣ и проплыть по теченію и обратно.

Поярковъ и Хабаровъ нашли на Амурѣ уже осѣдлыя племена, которыя занимались земледѣліемъ. Хотя страна была въ это время населена въ незначительной степени, однако, занятіе земледѣліемъ и потребность во взаимной поддержкѣ на случай непріятельскаго нападенія заставила жителей Амура сосредоточиться въ видѣ селеній, управляемыхъ старшинами. Эти старшины, впрочемъ, уже издавна платили дань сосѣднимъ маньчжурамъ. Въ низовьяхъ Амура населеніе было гуще и деревни населеннѣе. Такъ напримѣръ, близъ рѣки Зеи въ деревняхъ было до 10 избъ, а около р. Сунгари до 60—80 избъ. Многія изъ селеній были на случай непріятельскаго нападенія защищены крѣпостцами: лучшія изъ этихъ крѣпостей окружены земляными валами въ сажень вышины и рвами такой же глубины, которые посредствомъ крытыхъ ходовъ вели къ водѣ. Башни господствовали надъ окрестностями, и какъ скоро внѣшнія укрѣпленія переходили во власть непріятеля, то осажденные запирались въ двухъ внутреннихъ отдѣленіяхъ, возведенныхъ одно позади другого и защищали ихъ мужественно, хотя и не могли устоять противъ огнестрѣльнаго оружія и военной опытности русскихъ. При штурмѣ первой значительной крѣпости дауровъ у нихъ было убито до 660 человѣкъ, тогда какъ русскіе потеряли 4 человѣка. Такія крѣпости находились на всемъ протяженіи Амура. Первые рускіе завоеватели на Амурѣ встрѣтили разнохарактерное населеніе, имѣвшее нѣсколько „городковъ", какъ выражались казаки, или „улусовъ". Въ сѣверной части Амурскаго края чаще всего попадались казакамъ бродячія племена *тунгусовъ*, южнѣе и по долинамъ рѣкъ—*дауры*, а по Амуру за устьемъ Зеи—*дучеры*. Дальше за устьемъ Сунгари явились новыя племена—*натки-*

сы и гиляки. Иногда упоминается еще о *гогулахъ*, жившихъ по Амуру, между Буреей и Сунгари. Въ глазахъ воинственныхъ казаковъ все это была „нѣгая орда“, не заслуживающая особаго вниманія. Безпрестанные грабежи и набѣги корыстолюбивыхъ сподвижниковъ Нояркова и Хабарова и др. „атамановъ“ заставили, какъ извѣстно, осѣдлое населеніе прибѣгнуть къ покровительству китайскихъ властей и тѣ переселили нѣкоторыя племена (дауровъ и дучеровъ) въ глубь Маньчжуріи.

Далеко не рѣшенъ вопросъ о томъ, кто такіе дауры. Архимандритъ Палладій въ своемъ сочиненіи: „Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска“ считаетъ ихъ происхожденіе смѣшаннымъ и, на основаніи китайскихъ данныхъ, утверждаетъ, что народъ этотъ образовался изъ смѣшенія монгольскаго элемента съ китайскимъ въ тѣхъ пограничныхъ селеніяхъ, которыя у монгольскихъ императоровъ было въ обычаѣ заводить на окраинахъ своего государства.

Но Шренкъ („объ инородцахъ Амурскаго края“) противупоставляетъ этой гипотезѣ рядъ фактовъ, приводящихъ его къ тому заключенію, что дауры—народъ тунгузскаго племени, который вслѣдствіе историческихъ событій подпалъ сначала вліянію монголовъ, а затѣмъ и китайцевъ. Вотъ почему, по его мнѣнію, въ ихъ языкѣ замѣчается значительная примѣсь словъ монгольскихъ, съ одной стороны, китайскихъ—съ другой. Дучеровъ Нояркова и Хабарова Шренкъ считаетъ просто маньчжурами.

Риттеръ (Землевѣдѣніе Азіи) даетъ слѣдующія пояснепія. По прибытіи русскихъ въ Амурскій Край, дауры удалились отсюда къ востоку, уступая мѣсто *буряталъ* и тунгусамъ. Русскіе посланцы въ первыхъ своихъ поѣздкахъ застали ихъ въ различныхъ ордахъ. Іезуиты называютъ народъ *тагури* и почитаютъ ихъ аборигенами страны, которыхъ значительно истребили и подчинили себѣ маньчжуры и смѣшавшіеся съ послѣдними солоны. Слѣдовательно, тагури, и дауры суть тѣ самыя многочисленныя и уединенныя тунгузскія племена, которыя еще до вторженія русскихъ въ Сибирь перешли на среднюю часть Амура и присоединились къ племенамъ, составившимъ маньчжурскую націю, между тѣмъ какъ другіе ихъ сродники (еще болѣе дикіе) вступили въ русскую Даурію, которую нѣкоторые изъ нихъ опять покинули.

Оставивъ на время вопросъ о томъ, кто былъ предками народовъ, населявшихъ среднюю часть Амура во время перваго появленія русскихъ и существуетъ ли историческая связь дауровъ и др. насельниковъ края съ сушенями, мохэсцами и

нюйчженями, разсмотримъ, что встрѣтили русскіе завоеватели на своемъ пути по Амуру.

Спускаясь внизъ по Амуру, Хабаровъ встрѣтилъ не мало укрѣпленныхъ городовъ, съ князьками которыхъ вступалъ въ бой и выходилъ побѣдителемъ. Города эти принадлежали даурамъ. Миддендорфъ ихъ перечисляетъ и даетъ названія по именамъ князей, сидѣвшихъ въ этихъ городахъ. Я, съ своей стороны, добавлю географическія и историческія свѣдѣнія объ этихъ городахъ. Вотъ ихъ перечень.

1) *Лавкаевъ* городокъ—укрѣпленное мѣстечко даурскаго князя Лавкая на лѣвомъ берегу Амура у устья р. Уркана, гдѣ теперь расположенъ Игнашинскій поселокъ Амурской области; былъ обнесенъ рвомъ, валомъ и деревянной стѣной съ башнями. Во время перваго похода Хабарова на Амуръ въ 1650 г., укрѣпленіе это было покинуто даурами, которые узнали о приходѣ русскихъ въ ниже расположенныя по Амуру укрѣпленныя мѣста; поэтому Хабаровъ, нашедшій здѣсь много спрятаннаго жителями въ ямахъ хлѣба, занялъ его и, отправляясь въ Якутскъ за подкрѣпленіемъ, оставилъ для его охраны 50 чел. изъ своей команды. Въ отсутствіе его дауры напали на этотъ городокъ, но были отбиты казаками съ успѣхомъ. Позднѣе, въ 1672 или 1673 г., на этомъ мѣстѣ основана была слобода Игнашино (732 вер. выше Благовѣщ.).

2) *Чапинъ или Чипинъ* городокъ дауровъ, существовавшій на Амурѣ въ двухъ дняхъ пути ниже Лавкаева укрѣпленія, вѣроятно, около нынѣшняго Свербѣевскаго поселка, основаннаго въ 1858 году (665 вер. выше Благовѣщенска).

3) *Якса*—городокъ, принадлежавшій князьку Албазѣ. Онъ расположенъ на мѣстѣ нынѣшней станицы Албазинъ. Во время походовъ казаковъ на Амуръ, подъ начальствомъ Хабарова въ 1651 году, городокъ Якса былъ взятъ русскими послѣ битвы, продолжавшейся около половины сутокъ и переименованъ въ Албазинъ (581 в. выше Благовѣщенска).

4) *Дасаулъ*—укрѣпленное мѣстечко дауровъ на лѣвомъ берегу Амура находилось въ двухъ дняхъ пути ниже Яксы, на томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ Бейтоновскій поселокъ Амурской области. Городокъ этотъ, во время похода Хабарова по Амуру въ 1651 г., былъ сожженъ отступавшими даурами (552 вер. выше Благовѣщ.).

5) *Гоугдаръ или Гоугдаровъ* городокъ—даурскій городъ на Амурѣ, представлявшій собою одинъ изъ сильно укрѣпленныхъ пунктовъ, окруженный стѣною съ валомъ и рвомъ. Онъ, по описанію казаковъ XVII в., находился на разстояніи

одного дня пути отъ Дасаулова городка, слѣдовательно, въ верстахъ въ 50—60 ниже нынѣшняго Бейтоновскаго поселка. Этотъ городокъ взятъ былъ Хабаровымъ въ Іюнѣ 1651 г. Послѣ истребленія непріятелей, Хабарокъ съ своей дружиной оставался въ этомъ городкѣ шесть недѣль, послѣ чего выступилъ и пошелъ дальше (менѣе 500 в. выше Благовѣщенска).

6) *Банбулай или Банбулаевъ* городокъ-одно изъ даурскихъ селеній, находившееся на Амурѣ въ двухъ дняхъ пути ниже Гогударова городка,—по однимъ свѣдѣніямъ, и въ двухъ дняхъ пути выше устья р. Зеи,—по другимъ. (Мѣсто не опредѣлено).

7) *Додува или Дадува*—улусъ дауровъ на Амурѣ около устья рѣки Зеи.

8) *Кокорей или Кокоревъ* улусъ—даурское селеніе на Амурѣ, которое, по описанію казаковъ, находилось на правомъ берегу Амура, нѣсколько ниже устья Зеи. Вѣроятно, на мѣстѣ китайской деревни Хэ-лин-тунь.

9) *Айгунъ* уже и тогда, когда русскіе впервые познакомились съ нимъ, былъ старымъ, покинутымъ, сильно укрѣпленнымъ мѣстомъ, исторію котораго не знали. Онъ лежалъ на полдня пути ниже устья Зеи на лѣвомъ берегу. Насупротивъ его, нѣсколько ниже по теченію, былъ выстроенъ китайцами въ 1683 г. на правомъ берегу Амура Сахалянъ—Ула-Хото (30 вер. ниже Благовѣщ.)

10) *Толинъ*—городокъ дауровъ, который находился на разстояніи одного дня пути ниже устья Зеи, слѣдовательно, около нынѣшняго Айгуна. Лѣтомъ 1651 г. городокъ этотъ, сильно укрѣпленный, взятъ былъ Хабаровымъ безъ сопротивленія со стороны дауровъ. Побѣжденные князьки доставили Хабарову провіантъ и обѣщали платить ясакъ съ 1000 душъ. Но такъ какъ всѣ жители городка вмѣстѣ съ князьями черезъ 3 дня куда то исчезли, то Хабаровъ, думавшій здѣсь зимовать, 3 Сентября сжегъ городокъ и отправился внизъ по Амуру.

11) *Ачанъ* или Ачанскій городокъ—одно изъ селеній на Амурѣ.

Ачанъ находился, по описанію Хабарова, въ странѣ питающихся рыбой натковъ (игатку) ниже Уссури, на лѣвомъ берегу Амура, но въ какомъ именно мѣстѣ, неизвѣстно. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Хабаровъ, приплывъ со своей дружиной къ селенію Ачанъ, основалъ здѣсь Ачанскій острогъ и остался въ немъ зимовать. Выдержавъ здѣсь осаду маньчжурскаго войска и отбивъ нападеніе князя Щикая, призваннаго на помощь инородцамъ, Хабаровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1652 года

оставилъ острогъ, вернулся къ устью Зеи и пошелъ вверхъ по Зеѣ. На этомъ пути встрѣтились три даурскихъ укрѣпленія:

Балдагинъ—на разстояніи одного дня пути вверхъ отъ устья Зеи.

Молдакичитъ—при впаденіи Селемджи въ Зею.

Гогулъ—шургу—при впаденіи р. этого же наименованія въ Зею, на разстояніи одного дня пути выше устья р. Селемджи.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили движеніе Хабарова отъ ст. Игнашиной до устья р. Уссури и останавливались съ нимъ въ каждомъ мало-мальски значительномъ, по тому времени, мѣстечкѣ, обитаемомъ инородцами. Отъ нашего вниманія не ускользнули не только сильно укрѣпленные пункты, но даже и мало укрѣпленныя селенія и брошеныя городища [истор. Айгуна).

Не покажется ли страннымъ то обстоятельство, что въ перечнѣ мѣстечекъ, поименованныхъ Хабаровымъ, нѣтъ даже намека на такое солидное укрѣпленіе, какое должна была представлять въ свое время гора „Шапка". Не замѣтить это мѣсто, обойти его Хабаровъ не могъ по той причинѣ, что эта гора, находясь на сѣверномъ берегу Амура въ 1½ вер. отъ берега рѣки, ясно видима съ рѣки на далекое разстояніе. Очевидно, что и въ то время „Шапка" была мѣстомъ уже необитаемымъ. Вершины ея и скаты были покрыты густымъ лѣсомъ и Хабаровъ, проходя отъ нея довольно близко, не замѣтилъ остатковъ древнихъ укрѣпленій и принялъ ее за гору естественнаго происхожденія и потому не отмѣтилъ ея существованія въ своихъ замѣткахъ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что „Шапка" была обитаема за долго до появленія русскихъ въ этихъ мѣстахъ, т. е. за долго до XVI вѣка.

Русскіе въ XVI вѣкѣ уже видѣли только остатки ранѣе могущественныхъ племенъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ лишь памятники старины, сооруженные нѣкогда этими народами. Разрозненныя племена передвинулись на дикій сѣверъ и, находясь въ непрерывной борьбѣ съ суровыми климатическими условіями, совершенно не поддаются цивилизаціи и, перенимая у своихъ культуртрегеровъ лишь дурное, поголовно вымираютъ, и намъ выпала печальная участь быть свидѣтелями предсмертной агоніи потомковъ нѣкогда великаго народа. Homo homini lupus est—гласитъ латинская пословица, т. е. человѣкъ человѣку—волкъ.

Если мы теперь возвратимся къ исторіи завоевательнаго

движенія Пояркова, то, конечно, не можемъ не вспомнить, что дауры въ сраженіяхъ съ русскими имѣли „лучный и огненный бой", т. е. имъ было извѣстно огнестрѣльное оружіе, между тѣмъ какъ среди находимыхъ остатковъ древности на горѣ „Шапкѣ" и въ окрестностяхъ ея никогда не попадалось ничего, намекающаго на огнестрѣльное оружіе. Наоборотъ, находки принадлежатъ къ каменному вѣку неолитической эпохи, т. е. когда людямъ уже стала извѣстна обработка металловъ въ весьма грубомъ видѣ, но орудія изъ камня и кости еще не вышли изъ употребленія. Употребленіе огнестрѣльнаго оружія вмѣстѣ съ копьями, стрѣлами и съ наконечниками изъ кремня—какъ-то не вяжется. Поэтому невозможно и предполагать, что на „Шапкѣ" жили дауры или дучеры временъ Пояркова и Хабарова. Вѣроятно, что ко времени прихода Хабарова въ Амурскія земли обитатели горы „Шапки" или совершенно исчезли съ лица земли, или задолго удалились въ другія мѣста, тѣснимыя какой то неопредѣленной силой. Можетъ быть, слились съ другимъ народомъ и усовершенствовали свою культуру.

На вопросъ, какова была культура доисторическаго населенія этой части Амура, отвѣтить значительно легче. По тѣмъ матеріаламъ, которые мною добыты въ поѣздку и по тѣмъ, что имѣются въ Благовѣщенскомъ городскомъ музеѣ можно съ увѣренностью сказать, что населеніе того времени было на невысокой ступени развитія

Коллекція моя расположена въ порядкѣ мѣстонахожденія —это, конечно, не научная классификація, но она удобна въ томъ отношеніи, что даетъ ясное понятіе о томъ, гдѣ и что можно искать при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Научное распредѣленіе предметовъ можно сдѣлать и на мѣстѣ.

Колекція археологическая.

№ 1. Каменный ножъ и топоръ—найдены выше хут. Сагибова на Урильскомъ островѣ, на лѣвой сторонѣ Амура, въ яру.

№ 2. Скребковъ 5 шт., 1 наконечникъ стрѣлы, 1 обломокъ ножа, 1 обломокъ глиняной посуды—найдены около хут. Сторожевскаго, въ яру.

№ 3. 3 стрѣлы кремневыхъ малыхъ, 1 каменная коричневая-малая, 1 обломокъ каменнаго ножа, 1 скребокъ, 1 долотце, 1 каменный топорикъ, 3 камня недодѣланныхъ орудій —найдены въ ст. Радде, на берегу Амура.

№ 4. 4 разнородныхъ наконечника стрѣлъ изъ кости, 1 кость съ двумя круглыми отверстіями по краямъ, 1 кос-

тяная головная женская шпилька съ рѣзнымъ украшеніемъ на головкѣ, 2 проволочныхъ серебряныхъ серьги, 3 шт. мѣдныхъ украшеній для одежды, 1 желѣзный наконечникъ копья, 1 желѣзный кривой ножъ, 1 наконечникъ стрѣлы—желѣзный малый, 3 желѣзныхъ пластинки, взятыя съ груди скелета (вѣроятно, скрѣпы на одеждѣ), 1 брусокъ точильный съ отверстіемъ для ножа (вѣроятно, употреблялся для оттачиванія стрѣлъ и носился на поясѣ), 1 грузило изъ обожженой глины, 1 желѣзная скобочка (вѣроятно, служившая для скрѣпленія гробовыхъ досокъ). Найдено ниже хут. Никольскаго, въ 70 верстахъ отъ Поярковой, въ могилахъ древнихъ кладбищъ.

№ 5. Ножницы желѣзныя, вырыты изъ могилы, выше хутора Никольскаго.

№ 6. Камень, изъ котораго выдѣлывались наконечники стрѣлъ и копій.

№ 7. Камень, изъ котораго выдѣлывались скребки, наконечники стрѣлъ и т. п.

№ 8. Горшокъ черный глиняный—найденъ въ яру по р. Завитой, недалеко отъ горы „Шапки", въ размытой водой могилѣ, на глубинѣ 2½ саж. Тамъ-же найдено нѣсколько обломковъ посуды изъ глины и наконечниковъ стрѣлъ изъ кости.

№ 9. Большой круглый, гладкій камень, вѣроятно, для растиранія зерна, найденъ въ 5 вер. ниже хут. Иннокентьевскаго, тамъ же ранѣе найдена была ступа для обдиранія и толченія зерна.

Палеонтологическая коллекція.

№ 1. Слѣды мягкотѣлаго на камнѣ.

№ 2. Слѣды листа на камнѣ (на правой сторонѣ Амура, выше хут. Пашково, мѣстечко „Полосатикъ").

№ 3. Вещество бѣлаго цвѣта, которое служитъ постояннымъ и ближайшимъ спутникомъ окаменѣлыхъ костей крупныхъ млекопитающихся, найдено ниже хут. Касаткиной, вер. въ 15, на правой сторонѣ Амура.

№ 4. Зубъ неизвѣстнаго животнаго (найденъ въ 6 вер. выше хут. Куприяново).

№ 5. Кусокъ кости крупнаго млекопитающаго.

№ 6. 2 куска окаменѣлаго дерева, найдено въ 15 вер. ниже хут. Касаткиной.

Принимая во вниманіе свои находки и сопоставивъ ихъ съ имѣющимися историческими свѣдѣніями, я думаю, что народъ, жившій въ средней части Амура, который создалъ вы-

шеописанные историческіе памятники, былъ не на высокой ступени культуры, но онъ уже вышелъ изъ палеолитной эпохи каменнаго вѣка. На это указываетъ присутствіе орудій изъ желѣза и остатки гончарныхъ произведеній. Но весьма вѣроятно, что этотъ народъ находился здѣсь и въ періодъ первыхъ ступеней неолитной эпохи, такъ какъ среди орудій попадаются и грубо обдѣланныя.

Рѣшить вопросъ, когда это было и что это за народъ— невозможно!. И лишь путемъ логическихъ выводовъ можно составить приблизительное понятіе о времени и населеніи. Это было значительно раньше XVII вѣка, такъ какъ Поярковъ говоритъ, что у жителей Амура онъ встрѣтилъ лучный и огненный бой. Отъ каменнаго топора до огненнаго боя такое громадное пространство времени, что его можно уложить лишь въ нѣсколько столѣтій. Присутствіе такихъ грандіозныхъ, по тому времени, военныхъ сооруженій, какъ „Шапка“, указываетъ на то, что народъ этотъ былъ весьма воинственнымъ и мужественнымъ.

Можно предположить, что „Шапка“ была обитаема народомъ „Амурскіе мохэ“, т. е. рѣчными жителями. На южно-маньчжурскомъ нарѣчіи слово „мухэ“ значитъ вода. Это маньчжурское названіе, какъ общее всѣмъ обитателямъ средней и сѣверной Маньчжуріи, является еще ранѣе, въ искаженномъ у китайцевъ словѣ „мохэ“, вѣроятно, потому, что каждый родъ назывался по имени какой нибудь рѣчки. Впослѣдствіи имя мохэ исчезаетъ, какъ общее названіе всѣхъ маньчжуровъ, по крайней мѣрѣ, въ китайской исторіи и на мѣсто его является уже нюйчженъ.

Царство Нюйчженъ, какъ извѣстно, было уничтожено нашествіемъ монголовъ. Тѣсимые свирѣпыми врагами, нюйчженцы (или мохэ), разсѣялись по лицу Амурской земли и уже никогда не могли окрѣпнуть.

Нынѣ въ низовьяхъ Амура обитаетъ полудикое племя мангу (мангуны или ольчи), что значитъ *рѣчныя*, потому что рѣка или вода на ихъ языкѣ называется мангу. Слово это тождественно съ китайскимъ мохэ и маньчжурскимъ мухэ, тѣмъ болѣе, что знатоки инородческихъ нарѣчій утверждаютъ, что въ мангунскомъ языкѣ сохранились корни словъ южно-маньчжурскаго нарѣчія. Не есть-ли мангуны потомки древнихъ мохэ, обитавшихъ на среднемъ Амурѣ?

Такимъ образомъ, „Шапка“ несомнѣнно искуственное сооруженіе, созданное руками могущественнаго народа. Народъ этотъ стоялъ на невысокой степени культуры, но былъ многочисленный и воинственный (первое предположеніе вы-

текаетъ изъ грандіозности сооруженія, а второе само созданіе такого военнаго укрѣпленія). Народъ этотъ жилъ очень давно и „Шапка“ насчитываетъ себѣ много сотенъ лѣтъ (VI-VII в. Амур. мохэ, аймакъ Хай-шу-бу). „Шапка“ несомнѣнно древній историческій памятникъ, который стоитъ того, чтобы изучить его детальнѣе при посредствѣ правильныхъ раскопокъ. Я въ данномъ случаѣ только затронулъ интересующіе меня вопросы, но отвѣта не далъ да и не могъ дать, располагая такими незначительными средствами, но думаю, что мой трудъ не пропадетъ даромъ и найдутся послѣдователи, которые смогутъ разработать заданные вопросы и дадутъ на нихъ обстоятельнѣе отвѣты. Я здѣсь коснулся только нѣкоторыхъ исторически интересныхъ мѣстъ, на самомъ дѣлѣ ихъ значительно болѣе и мѣстонахожденіе ихъ подробно отмѣчено на составленной мѣстнымъ любителемъ археологіи А. Я. Гуровымъ картѣ, которая составляетъ принадлежность городского музея, будучи пріобрѣтены у Гурова за 300 рублей.

Изъ мѣстъ, богатыхъ палеонтологическими рѣдкостями, первое мѣсто занимаетъ, безспорно, „Полосатикъ“. Полосатикъ—это древняя пристань на правой сторонѣ Амура, т. е. китайской, выше хут. Пашково. Здѣсь находятъ много отпечатковъ растеній и животныхъ на камнѣ и кости крупныхъ млекопитающихъ.

Слышанное мною предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ костями мамонта, едва ли можно считать правильнымъ, по крайней мѣрѣ, два такихъ обстоятельства, какъ принадлежность средняго Амура къ третичной формаціи, а мамонта къ четвертичной, или къ диллювію, говорятъ не въ пользу такого предположенія.

Заканчивая свою небольшую работу, я считаю нравственнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ собираніи матеріаловъ.

Особенно признателенъ я Алексѣю Яковлевичу Гурову, пожертвовавшему для Благовѣщенскаго музея 58 предметовъ и сообщившему мнѣ не мало цѣнныхъ свѣдѣній о мѣстныхъ памятникахъ древности.

Также благодареніе и Кириллу Петровичу Номоконову за его пожертвованія и ознакомленіе меня съ изустнымъ матеріаломъ, извѣстнымъ ему, какъ старожилу края.

Исторія нашей далекой родины богата преданіями далекой старины, вся бѣда въ томъ, что пока мало лицъ, открывшихъ страницы этой книги для прочтенія рядовому обывателю.

Евгеній Гонсовичъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ исторіи Иркутскаго городского ломбарда.

Это было лѣтъ двадцать тому назадъ. Я служилъ въ ломбардѣ, по выбору Думы, товарищемъ распорядителя и за переходомъ распорядителя на другую службу, остался въ ломбардѣ за распорядителя и за товарища. Я теперь не помню, сколько времени я занималъ эти двѣ обязанности, но отлично помню то засѣданіе Думы, въ которомъ рѣшался вопросъ о выборѣ распорядителя, взамѣнъ уволившагося. Нужно сказать, что съ нѣкоторыми вліятельными лицами Городского Общественнаго Управленія я находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ и эти лица рѣшили посчитаться со мной на выборахъ: они, не смотря на то, что въ ломбардѣ я служилъ съ основанія его и нѣкоторое время самостоятельно управлялъ имъ, прокатили меня и распорядителемъ выбрали человѣка, совершенно незнакомаго съ ломбардомъ, нѣкоего Филатова: эти лица понимали, что для ломбарда я необходимъ, знали, что я нуждаюсь въ службѣ и полагали поэтому, что отъ обязанности товарища распорядителя, на которую они намѣтили меня, я не откажусь, но они ошиблись: баллотироваться въ товарищи я отказался.

Какъ ни просили меня послужить еще, какъ не убѣждалъ меня гласный отъ. Измаилъ Соколовъ, что дѣло мнѣ знакомое, я стоялъ на своемъ. Думѣ пришлось выбрать и въ товарищи совершенно новаго человѣка. Такимъ оказался нѣкій малограмотный Никоноръ Захаровичъ Кузнецовъ. Филатовъ губернаторомъ утвержденъ не былъ и, слѣдовательно, товарищу, Кузнецову, оставалось вступать и принимать отъ меня ломбардъ. Вотъ объ этомъ то управителѣ я и намѣренъ здѣсь поговорить.

Ко дню моего выхода изъ ломбарда залоговъ въ немъ было очень много и подраздѣлялись они на двѣ категоріи: 1) цѣнные, т. е. брилліантовые, золотые и серебряные и 2) разные: одежда, самовары, машины и проч. Подъ первые

отведена была спеціальная комната, заставленная, а разные залоги размѣщались во всѣхъ остальныхъ комнатахъ на множествѣ полокъ, также съ раздѣленіями въ нихъ. Достать любой залогъ не представляло никакого затрудненія, стоило только обратиться къ такъ называемой укладочной книгѣ, гдѣ противъ требуемаго номера золога стояла помѣтка, гдѣ таковой находится, напр., коммодъ Ж, 14, полка 20-я, 16 и проч. Своего преемника я ознакомилъ съ этимъ порядкомъ и предложилъ ему, не согласится ли онъ, не тратя много времени на подробную пріемку залоговъ, взять на выдержку ихъ 10, 20, 30, конхъ онъ, пожелаетъ; къ этому я добавилъ, что если хоть въ одномъ случаѣ, я не представлю ему требуемаго залога, онъ тогда можетъ уже не вѣрить мнѣ и принимать все детально. Здѣсь кстати упомянуть, что въ то время артели не существовало и вся отвѣтственность за цѣнность имущества лежала на распорядителѣ. Никоноръ Захаровичъ согласился и мы приступили къ провѣркѣ.

Перелистывая квитанціонныя книги, онъ выбиралъ преимущественно 50-ти рублевые залоги, а болѣе 50 руб. ломбардъ не выдавалъ. Цѣлый день мы провели въ развертываніи залоговъ и сличеніи ихъ съ книгами и чѣмъ быстрѣе я представлялъ ему требуемые залоги, тѣмъ болѣе онъ приходилъ въ умиленье и снова и снова, требовалъ.

— Никоноръ Захаровичъ,—говорю ему къ концу дня, вы видите, какъ быстро и точно я представлялъ вамъ, что вы требовали, и, кажется, можно не сомнѣваться въ цѣлости имущества. Вѣдь все вѣрно?

— Вѣрно, ей Богу, вѣрно!

— Значитъ, пожалуй, можно будетъ этимъ и ограничиться и мы составимъ актъ, что вы все приняли.

— А что Вы думаете, ей Богу, можно.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ напишу.

— А, знаете, мы завтра еще провѣримъ...

Пришлось, конечно, согласиться и уступить, но на завтра таже исторія.

— Ну, вотъ, дайте мнѣ этотъ номеръ—часы золот. Мозера въ 50 рублей.

Приношу.

— Хорошіе часы и не дорого, а что вы думаете, ей Богу, не дорого; ихъ за сто рублей не купить.

Оказывается, что эти часы я доставалъ уже вчера, о чемъ и заявляю Никонору Захаровичу.

— Хе, Хе, Хе...—смѣется онъ,—на такіе часы не грѣшно и десять разъ взглянуть.

— Не въ грѣхѣ дѣло, Никонорь Захаровичъ, а въ томъ, что работа наша безполезная, а между тѣмъ публика съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія дверей.

— Куда торопиться, Петръ Васильевичъ, подождутъ, не водой несетъ.

Пришлось согласиться, а на слѣдующій день опять тоже. Выведенный изъ терпѣнія безтолковой и недовѣрчивой пріемкой, я обратиться за помощью въ Городскую Управу. П. Я. Горяевъ, пріѣхавъ въ ломбардъ и взявъ на выдержку 3—4 залога, посовѣтовалъ Никонору Захаровичу не медлить и покончить съ пріемкой.

— Вѣдь Петръ Васильевичъ,—говорилъ онъ,—показывалъ вамъ, что вы просили и все соотвѣтствовало записи?

— Все вѣрно, что и говорить.

— Ну, такъ какого же черта вы тутъ канитель эту тянете!

— Да и вѣрно,—согласился тотъ,—и продолжалъ экзаменовать меня.

Потерявъ, наконецъ, всякое самообладаніе я заявилъ Никонору Захаровичу, что если онъ не согласится дать мнѣ отпускную, я сейчасъ же иду въ Управу и заявлю, что ему, по его безтолковости, передавать ломбардъ не буду. Должно быть, угроза эта подѣйствовала на него и я получилъ актъ, что сдалъ ломбардъ.

Я не могу сказать, какъ повелъ себя Никоноръ Захаровичъ, ставъ во главѣ такого громаднаго дѣла, но издававшаяся въ то время мѣстная газета пролила немного свѣтъ: „раньше“,—печатала она,—„распорядитель слѣдилъ за всѣмъ дѣломъ и за своими служащими, а нынѣ всѣ служащіе слѣдятъ за своимъ распорядителемъ“ и т. д.

Вѣроятно, такія замѣтки, а, можетъ быть, и жалобы какія нибудь побудили очень скоро Городскую Думу снова заняться выборнымъ вопросомъ ломбарда. На этотъ разъ гласные стали просить меня баллотироваться на должность распорядителя. Я согласился и былъ выбранъ. 10-го іюня 1894 года я снова вступилъ въ ломбардъ, а теперь мнѣ уже пришлось принимать ломбардъ, для каковой цѣли на нѣсколько дней мы закрыли его. Я никогда не забуду того отчаянья, въ какомъ я находился, когда ознакомился съ дѣятельностью ломбарда подъ управленіемъ Никонора Захаровича. Груды писемъ отъ иногородныхъ кліентовъ лежали безъ отвѣта и частью нераспечатанныя, почтовыя повѣстки на полученье денегъ складывались въ кучу и деньги не получались, аукціоны не производились и не подготовлялись; залоги, хотя и прини-

мались, но были такіе, которые нигдѣ не записаны и держались на память, нѣкоторыя заложенныя серебр. вещи приняты были, какъ золотыя, а топазовыя вставки значились брилліантовыми вставками и пр. и пр.

Принявъ и провѣривъ только то, что сдѣлано было ломбардомъ въ мое отсутствіе, возстановивъ на сколько возможно обычный порядокъ, распредѣливъ просроченныя ссуды сразу на три аукціона и заказавъ служащимъ разбираться съ письмами, я не сталъ принимать болѣе ничего, я только спросилъ честнѣйшаго служащаго ломбарда П. О. Кулакова, можетъ ли онъ поручиться, что все имущество ломбарда въ цѣлости и когда получилъ отвѣтъ, что онъ посматривалъ и, кажется, не должно быть кражи, я принялъ ломбардъ. Предложивъ Никонору Захаровичу не вмѣшиваться въ дѣла ломбарда и взять въ свое вѣдѣніе только кассу, я велѣлъ впустить публику.

На обязанности кассира Никоноръ Захаровичъ чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше. Такъ какъ мимо кассы ломбарда ни одинъ кліентъ его не пройдетъ (а у него знакомство было огромное), то Никоноръ Захаровичъ имѣлъ возможность съ каждымъ изъ нихъ перекинуться словечкомъ.

— Вы говорите, убили двухъ зайцевъ?

— Да, а третій ускользнулъ.

— А кто еще былъ съ вами?

— Павелъ Петровичъ, Иванъ Гавриловичъ...

— Какъ и Павелъ Петровичъ былъ, да вѣдь онъ, слышно, боленъ.

— Это что же они тамъ о зайцахъ бесѣдуютъ, а мы ждемъ его,—волнуются въ публикѣ.

— Никоноръ Захаровичъ,—кричитъ кто то,—нельзя ли насъ отпустить.

— У меня, господа, не десять рукъ, васъ вѣдь вонъ сколько, а я одинъ.

— А вы бы поменьше болтали,—вставляетъ кто то.

— А?

— Послушайте,—говоритъ ему какая то дама,—вы мнѣ не додали 50 коп.

— А вы отчего же не считали?

— Да потому, что я вѣрила вамъ.

— Денежки любятъ счетъ, сударыня, а женщины глаженье.

— Ну и нахалъ,—ворчитъ, уходя, дама.

— Глупѣе, должно быть, Дума не нашла,—замѣчаетъ другая.

А Никоноръ Захаровичъ доволенъ и хохочетъ. Спрашиваю его послѣ занятій, дѣйствительно ли онъ не додалъ 50 к.

— А можетъ быть и не додалъ,—отвѣчаетъ онъ и хохочетъ.

Никоноръ Захаровичъ относился къ кассѣ очень своеобразно. Если при бухгалтерскомъ подсчетѣ кассы оказывалось, что у него въ кассѣ лишнія деньги, эти деньги онъ считалъ своими собственными, но если по тому же подсчету ихъ не хватало, Никоноръ Захаровичъ ни за что платить не соглашался и находилъ, что эти ужъ пусть и платитъ бухгалтерія. На этой почвѣ у насъ чуть не ежедневно происходили неудовольствія.

— Помните, Никоноръ Захаровичъ, что, если вы не клали своихъ денегъ въ кассу и въ ней оказались лишнія деньги, то эти деньги не ваша собственность и надо разслѣдовать и, вѣроятно, найдется какая нибудь ошибка,—говорю ему.

— Какая ошибка?! Все вѣрно, ей Богу, вѣрно.

Или говорю ему:

— Вѣдь у Васъ не хватаетъ денегъ, кто же долженъ, кромѣ васъ, отвѣчать за недостачу?

— А я съ какой стати отвѣчать буду, развѣ я знаю, что тамъ въ бухгалтеріи пишутъ.

— Пишутъ то, что слѣдуетъ, не угодно ли сличить.

— А что же и вѣрно.

— Вотъ вы сами говорите, что вѣрно, значитъ, кто виноватъ и кто долженъ платить?

— Да я что—Нѣмчиновъ, или другой какой милліонеръ, чтобы за ломбардъ платить!

Недѣли три продолжались у насъ безполезные диспуты, пока не оказался въ кассѣ 6 іюня недочетъ въ 216 руб. Тогда я отобралъ у него касу и далъ ему работу ставить штемпеля на билетахъ, приносимыхъ въ ломбардъ для отсрочекъ. На этой новой, нѣсколько унизительной для выборнаго человѣка работѣ, Никонору Захаровичу было сравнительно мало дѣла и онъ началъ проявлять интересъ ко всему происходящему вокругъ него. Такъ, напр., слѣдя за подборомъ залоговъ, подлежащихъ за просрочкой назначенію въ аукціонную продажу и видя, что на дѣло это тратится много времени, онъ говоритъ мнѣ:

— И охота вамъ выбирать ихъ?

— А какъ же иначе?

— Да съ краю и продавать.

— Какъ съ краю, когда, можетъ быть, за нихъ платятъ проценты.

— И, чертъ ихъ бей, пусть выкупаютъ!

Видя, напр., что мы до поздней ночи разыскиваемъ 32 к., на которыя не сходится мѣсячный отчетный балансъ, Никоноръ Захаровичъ говоритъ:

— Ну, охота вамъ, Петръ Васильевичъ, здоровье тратить и служащихъ держать изъ за такого пустяка, да я лучше заплачу вамъ эти 32 коп.

— О, великодушный Никоноръ Захаровичъ! Благодарю васъ, но намъ придется, можетъ быть, и двѣ ночи просидѣть еще, чтобы найти ошибку.

Мнѣ казалось, что Никоноръ Захаровичъ, въ это время думалъ обо мнѣ, какъ о больномъ человѣкѣ. Каково же было его удивленіе, когда на другой день установлена была новая ошибка еще на 12 р. 68 к. и затѣмъ покрыта 13-ти рубл. пропущенной записью.

— Такъ, значитъ, все вѣрно?—удивился онъ.

— Теперь уже вѣрно,—подтвердилъ я.

— А гдѣ же вы нашли?

— Кого?

— Деньги.

— Да мы вѣдь не деньги искали, а разницу, на которую не сходится балансъ.

Никоноръ Захаровичъ участливо посмотрѣлъ на меня и ничего болѣе не сказалъ, но по лицу его я видѣлъ, что онъ призадумался о моемъ психическомъ здоровьѣ.

Время шло. Никоноръ Захаровичъ много разъ заявлялъ мнѣ, что онъ теперь хорошо ознакомился съ веденіемъ кассы и уже не можетъ запутаться. Я уступилъ его просьбѣ и снова передалъ ему кассу съ непремѣннымъ условіемъ не болтать съ публикой и не задерживать ее.

Каждый день послѣ дневной операціи провѣрялась касса

— А сколько у васъ на остаткѣ,—спрашиваетъ онъ бухгалтера.

— 137—20.

— Ну, и вѣрно, значитъ,—говоритъ Никоноръ Захаровичъ, у котораго въ наличности 146 руб.

— А сколько у васъ на остаткѣ,—вопрошаетъ онъ на другой день.

— 200—15.

— Эге, наврали,—говоритъ Никоноръ Захаровичъ, у котораго помѣчено 191 р.

— Да вѣдь вчера же былъ въ кассѣ излишекъ и ровно на девять руб.—говорю ему.

— Откуда, Петръ Васильевичъ, будетъ излишекъ, кто дастъ?

Никоноръ Захаровичъ, при всемъ стараніи постичь ломбардное дѣло, никакъ не могъ осилить его и не могъ усвоить даже кассовую операцію. Онъ обвинялъ бухгалтерію, что она все вретъ и обманываетъ его, а бухгалтерія постоянно жаловалось мнѣ, что своимъ непониманіемъ онъ подводитъ ее и что работать съ нимъ нѣтъ никакой возможности. Въ началѣ 1896 года мы разстались съ Никономъ Захаровичемъ, такъ какъ Дума замѣнила его П. П. Петровымъ, сразу освоившимся съ кассой, которую онъ принялъ.

Да проститъ мнѣ Никоноръ Захаровичъ, что я вспомнилъ его такимъ недобрымъ словомъ, но онъ не виноватъ, что на него возложили такое дѣло; тутъ я виноватъ, что не сумѣлъ или даже не хотѣлъ поладить съ сильными вліятельными думцами, тутъ виноваты гласные, которые, служа общественному дѣлу, сводили личные счеты; виновата Дума, которая сама себя высѣкла.

П. Собокаревъ.

ХЕНУКЫЧАНЪ*).

(Тунгузская сказка)

Старый Бамбай лѣтовалъ на р. Кемчугѣ. Улова рыбы не было. Наступила осень. Было сыро и темно. Вѣтеръ сердито шумѣлъ, срывая послѣднія листья съ деревьевъ, а на рѣкѣ показались забереги. Бамбаю съ его большей семьей грозила голодовка. Оставаться на р. Кемчугѣ и думать было нечего, а потому старикъ рѣшилъ перебраться на другое мѣсто.

Кромѣ пяти малолѣтнихъ дѣтей, у Бамбая воспитывался еще сиротка, восьмилѣтній мальчикъ *Хенукычанъ*.

Бамбай рѣшилъ бросить сироту на произволъ судьбы, такъ какъ онъ не въ силахъ былъ прокормить и родныхъ дѣтей, которымъ также неминуемо грозила голодная смерть. Передъ отъѣздомъ Бамбай увелъ сиротку въ лѣсъ, посадилъ его къ комлю вѣкового кедра, далъ ему огниво, кремень и немного рыбы, которую совѣтовалъ ѣсть по маленькому кусочку и, обѣщая сироткѣ вернуться черезъ три дня, оставилъ его.

Уныло воетъ рѣзкій вѣтеръ въ дождливую холодную осень. Мечется онъ по темному лѣсу, плачетъ и ропщетъ.

Сидитъ сиротка у дерева и слушаетъ печальный вой вѣтра. Кругомъ нависли сѣрыя тучи.

Грустно сдѣлалось сироткѣ и сталъ онъ подпѣвать вѣтру свою любимую пѣсенку.

Одинъ былъ рябчикъ,
Одинъ—пикалъ!
Кто скажетъ: жалко,
Жалко бѣднаго рябчика?

Такъ пѣлъ сиротка, а холодный вѣтеръ пронизывалъ его до костей. Наступили сумерки. Черныя, липкія чудовища—тучи опускались къ землѣ все ниже и ниже. Заморосилъ дождь.

Жмется сиротка къ дереву, дрожитъ отъ страха и холода, прячетъ посинѣвшія ручонки въ лохмотья своей оде-

*] Рябчикъ.

жды... Наконецъ, дрема застилаетъ ему глазки и мальчикъ засыпаетъ. Въ грезахъ мальчикъ видитъ родную мать, которую годъ тому назадъ съѣлъ дьяволъ-*хімеръ*[1]).

Вцѣпился сиротка обѣими рученками за шею матери, а она любовно гладитъ его по головкѣ, цѣлуетъ и крѣпко прижимаетъ къ сердцу. Вдругъ видѣніе исчезло. Вмѣсто матери, какъ изъ земли, выросло ужасное чудовище, съ огненными глазищами, костлявое, съ рогами и хвостомъ—страшное, какъ сама смерть. Ужасъ охватилъ сиротку: узналъ онъ этого дьявола-хімеръ, который съѣлъ его отца и мать. Въ первый разъ видѣлъ Хенукычанъ этого дьявола во снѣ въ ту ночь, какъ умерла его мать.

Въ долгія осеннія сумерки онъ часто слушалъ разсказы старой Поньги, жены Бамбая, о страшномъ хімерѣ. Подъ монотонную рѣчь старухи у него слипались глаза, а во снѣ онъ мечталъ, бредилъ и грозилъ кому то рученками. Ненавидѣлъ онъ этого дьявола всѣми силами своей души. Много разъ онъ намѣревался поставить на него капканъ. Много разъ просилъ Бога, горячо и убѣдительно, какъ могутъ просить только дѣти, убить этого дьявола громомъ, чтобы онъ не поѣдалъ людей и вотъ этотъ дьяволъ теперь стоялъ передъ нимъ, протягивалъ къ нему свои отвратительныя, костлявыя руки...

Въ это время опять явилась мать, мальчикъ вскрикнулъ отъ радости и кинулся къ матери. Хотѣлъ было дьяволъ схватить въ свои когти мальчика, но мать защитила свое дитя. Она взяла его на руки и понесла на высокую гору. Здѣсь она поцѣловала свое дитя, шепнула ему на ушко: „иди къ Богу!“—И скрылась....

Отправился мальчикъ къ Богу. Долго ли, коротко ли онъ шелъ, неизвѣстно. Наконецъ, достигъ роскошнаго дворца изъ бѣлаго камня. Дворецъ обнесенъ былъ высокой каменной стѣной. У воротъ стоялъ караульный.

Увидѣлъ караульный сиротку и, отъ удивленія, даже разинулъ ротъ.

— Откуда ты? Кто твой отецъ? Какъ ты попалъ сюда?

— Я человѣкъ средней земли. Нѣтъ у меня ни отца, ни матери. Имя мое Хенукычанъ. Я пришелъ къ Богу просить у него какой нибудь работы. Не дастъ ли Боженька мнѣ какой нибудь работы?—сказалъ сиротка.

— Хорошо,—говоритъ караульный,—я пойду скажу объ этомъ Богу, а ты подожди здѣсь!

Пришелъ караульный къ Богу и говоритъ:

---

[1]) Смерть.

— Сиротка изъ средней земли—Хенукычанъ пришелъ просить у Тебя работы.

— Знаю,—говоритъ Богъ,—добрый мальчишка, пусть, вмѣсто тебя, караулитъ входъ.

Караульный передалъ сироткѣ приказаніе Бога и мальчикъ сталъ караульнымъ. Старательно относился сиротка къ своей обязанности, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы кто либо не проникъ безъ его вѣдома къ Богу и скоро привыкъ къ своей должности; повеселѣлъ, поправился и пересталъ тосковать по родной матери.

Стоитъ однажды сиротка, сторожитъ входъ, въ дали посматриваетъ и видитъ, къ ужасу своему, идетъ прямо на него тотъ отвратительный дьяволъ, отъ котораго спасла его родимая матушка. Перепугался сиротка, затрясся отъ страха и хотѣлъ было бѣжать, но пересилилъ свой страхъ и крикнулъ:

— Что тебѣ надо, дьяволъ поганый?

Хімеръ уставила на него свои огненныя глазища и говоритъ:

— Пусти меня, пожалуйста, къ Богу! Я ѣсть хочу.

— Нельзя!—отвѣчаетъ сиротка.—Я самъ пойду къ Богу, скажу Ему, а ты подожди здѣсь.

Хімеръ присѣла у входа, а сиротка побѣжалъ къ Богу, упалъ передъ Нимъ на колѣни и говоритъ:

— Боженька, хімеръ пришла и говоритъ, что ѣсть хочетъ. Убей, Боженька, этого поганаго дьявола, чтобы она людей не пожирала!

Выслушалъ Богъ сиротку, разсмѣялся и говоритъ:

— Глупый ты! Скажи хімеръ, пусть она три года ѣстъ людей средняго возраста. Иди и скажи ей такъ!

Сиротка былъ увѣренъ, что Богъ пойметъ его, приметъ его слезы и просьбу и, безъ сомнѣнія, убьетъ ужаснаго дьявола, причиняющаго всюду столько горя и несчастій. Но каково было удивленіе мальчика, когда самъ Богъ велѣлъ поѣдать дьяволу людей цѣлыхъ три года?!

Напугался мальчикъ, пошелъ обратно передать хімеръ приказаніе Бога. Идетъ и думаетъ: „а вѣдь у меня дяди и тетки есть, съѣстъ ихъ поганый дьяволъ!“ Подумалъ мальчикъ, тряхнулъ рѣшительно головкой, улыбнулся чему-то и бодро пошелъ къ хімеръ. Та спрашиваетъ:

— Что сказалъ Богъ?

— Богъ приказалъ тебѣ ѣсть на землѣ средніе лѣсины три года.

Ушла хімеръ. Три года она пожирала только лѣсины средняго возраста. Опустошила цѣлые лѣса. Люди за это вре-

мя не умирали. Не было ни слезъ, ни горя, всѣмъ хорошо жилось. Весело было сироткѣ. Но быстро пролетѣли три года и хімеръ снова явилась.

— Пусти меня къ Богу, я голодаю,—говоритъ она сироткѣ.

— Подожди немножко,—отвѣчаетъ сиротка,—я самъ скажу объ этомъ Богу.

Прибѣжалъ мальчикъ къ Богу и сказалъ, что пришла голодная хімеръ.

Богъ приказалъ:

— Скажи ей, чтобъ она ѣла три года ребятъ.

Идетъ сиротка назадъ и думаетъ: „а вѣдь у меня братья и сестры есть.... Дьяволъ съѣстъ ихъ.“

Хімеръ спрашиваетъ:

— Что сказалъ Богъ?

— Богъ сказалъ, чтобы ты три года ѣла,— отвѣчаетъ сиротка,—прутья тальника.

Ушла хімеръ. Снова три года она пожирала только прутья тальника. Снова люди не умирали на землѣ, жили весело, радовались и хвалили Бога; хорошо было и сироткѣ. Но незамѣтно пролетѣли и эти три года.

Явилась хімеръ изможденная, исхудала вся, остались только кости да кожа и проситъ мальчика:

— Пусти меня къ Богу, я съ голоду умираю!

— Ну, этого нельзя,—говоритъ мальчикъ,—я самъ Богу скажу объ этомъ.

Пришелъ мальчикъ къ Богу и говоритъ:

— Пришла хімеръ и жалуется, что пропадаетъ съ голода.

— Скажи ей: теперь пусть три года ѣстъ старыхъ людей,—приказываетъ Богъ.

Идетъ назадъ сиротка ко входу и думаетъ: „э, у меня есть дѣдушка и бабушка... съѣстъ дьяволъ дѣда Бамбая и старую Поньгу“.

Хімеръ спрашиваетъ:

— Что сказалъ Богъ?

— Да что сказалъ Богъ: сухія деревья ѣшь три года!

Ушла хімеръ. Опять три года грызла она сухія деревья. Люди не умирали, радовались и хвалили Бога. Еще быстрѣе пролетѣли и эти три года. Сиротка уже поджидалъ дьявола, но хімеръ не явилась. На этотъ разъ она перехитрила мальчика: оборотилась мухой и незамѣтно пролетѣла къ Богу.

— Издыхаю съ голоду,—жалуется хімеръ Богу.—Три года я ѣла среднія деревья; три года ѣла одни только прутья тальника; три года грызла высохшія деревья! Людей распло-

дилось видимо-невидимо; скоро мѣста для нихъ не хватитъ на землѣ!

Разгнѣвался Богъ на мальчика и говоритъ:

— Поди, съѣшь напередъ лгунишка!

Приходитъ хімеръ къ сиротклѣ и говоритъ:

— Теперь за тобой очередь, такъ какъ Богъ приказалъ мнѣ съѣсть напередъ караульнаго.

— Погоди, успѣешь,—проситъ сиротка.—Дай подумать, да отпусти меня погулять на волю, хотя на три дня.

Хімеръ согласилась обождать три дня и отпустила мальчика на свободу. Отправился сиротка обратно на среднюю землю, до которой достигъ только на третій день. Оставалось жить одинъ день. Страшно боялся сиротка ужаснаго дьявола; сердце сжималось отъ печали и страха, а время шло и конецъ былъ близокъ.

Погоревалъ, поплакалъ мальчикъ и пошелъ отыскивать тамъ вѣковой кедръ, у котораго его оставилъ старый Бамбай. Приходитъ смерть. Сиротка говоритъ:

— Подожди немножко, успѣешь! Сдѣлай милость, разскажи мнѣ, пожалуйста, какъ ты попала къ Богу. Я стерегъ хорошо. Стѣны кругомъ непроходимыя. Какъ же ты ухитрилась проскочить?

— Да такъ,—отвѣчала смерть,—я обратилась мухой и пролетѣла надъ самой твоей головой, а ты этого и не замѣтилъ.

— Ну, это ты лжешь,—говоритъ сиротка.—Ну-ка, теперь сдѣлайся мухой да залѣзь вотъ въ это дупло, тогда я тебѣ повѣрю.

Смерть тотчасъ обратилась мухой и залѣзла въ дупло вѣкового кедра. Сиротка быстро заткнулъ пробкой отверстіе и дьяволъ остался въ дуплѣ.

— Попался, поганый дьяволъ,—думаетъ сиротка,—теперь ужъ я тебя не выпущу.

Обрадовался мальчикъ счастливому исходу, запѣлъ пѣсни и съ радости даже заплясалъ вокругъ стараго кедра.

На завтра Хенукычанъ отправился розыскивать старика Бамбая и старую Поньгу; нашелъ онъ ихъ скоро, на старомъ родовомъ мѣстѣ. Старики обрадовались ему и сиротка сталъ жить у нихъ. Помогалъ старикамъ, промышлять дикихъ оленей, козъ, сохатыхъ, соболей, а лѣтами добывать рыбу. Зажили старики богато.

Порой, въ свободное отъ промысла время, Хенукычанъ разсказывалъ старикамъ про свои похожденія,—о томъ, какъ онъ былъ на небѣ; какъ просилъ Бога убить страшнаго лья-

вола; какъ одурачилъ онъ этого дьявола и, наконецъ, какъ ему удалось совершенно избавиться отъ него.

Слушали старики и дивились его разсказамъ, а больше того его мудрости. Скоро слава объ немъ распространилась по всей землѣ. Люди стали уважать его. Богатство его годъ отъ года прибывало и сталъ Хенукычанъ самымъ умнымъ, знатнымъ и самымъ богатымъ человѣкомъ своего народа. Женился онъ на первой красавицѣ и жилъ счастливо. Жили и другіе хорошо, не умирали и даже забыли про самую смерть. Такъ прошло много лѣтъ. Хенукычанъ сталъ уже старикомъ; волосы его побѣлѣли, какъ снѣгъ; кожа стала сухая, морщинистая; глаза впали, зрѣніе потерялось.

Въ это время къ Хенукычану явился Богъ и говоритъ:

— Куда ты дѣвалъ хімеръ? Отпусти ее!

Какъ не старъ былъ Хенукычанъ, но чувство безконечнаго ужаса овладѣло имъ. Однако, дѣлать было нечего и онъ въ тотъ же день выпустилъ хімеръ на свободу.

Съ остервененіемъ и жадностью снова набросился страшный дьяволъ на людей, выбиралъ самыхъ здоровыхъ, которые всѣмъ своимъ существомъ чувствовали, что могли бы жить и наслаждаться жизнью.

Снова, какъ гадкая, липкая жаба, появилась смерть на землѣ, полились слезы и люди стали вымирать цѣлыми семьями и родами...

К. Рычковъ.

„Къ исторіи областного музея въ Томскѣ".

Подъ такимъ заглавіемъ въ №-рѣ 252, отъ 15 ноября т. г., въ томской газетѣ „Сибирская Жизнь" напечатана коротенькая, но интересная статья извѣстнаго А. В. Адріанова. Въ статьѣ этой рисуется безотрадная апертность томскаго общества къ музейскому дѣлу. Въ виду ея интереса, я позволяю привести здѣсь цѣликомъ всю статью.

„Наиболѣе культурный городъ въ Сибири—Томскъ—до сихъ поръ не имѣетъ своего музея. Не имѣлъ его прежде и не обзавелся имъ даже въ такую полосу жизни, когда въ разныхъ сибирскихъ городахъ, даже такихъ маленькихъ, какъ Минусинскъ, Ачинскъ, Енисейскъ, музеи учреждались и росли изъ году въ годъ. Среди большихъ сибирскихъ городовъ, пожалуй, нѣтъ ни одного, гдѣ бы не было музея.

А Томскъ его не имѣетъ и теперь. Нельзя же считать музеями въ общепринятомъ смыслѣ то, что для Томска извѣстно подъ этимъ именемъ при университетѣ или при безплатной библіотекѣ.

Первый, хотя и содержитъ весьма цѣнныя собранія по археологіи и этнографіи, насчитывающія свыше шести тысячъ номеровъ, но онъ закрытъ для публики, недоступенъ для нея и превращенъ въ простой складъ всякой всячины, какимъ бываетъ складъ разнаго хлама, которымъ тяготятся и прячутъ подальше отъ глазъ.

Университетскій музей и трактуется, какъ обуза, какъ нѣчто лишнее и непужное, даромъ отнимающее мѣсто, хотя бы и въ чердачномъ помѣщеніи университета.

Музей прикладныхъ знаній при безплатной библіотекѣ, хотя и открытъ для обозрѣнія его публикой, но онъ такъ бѣденъ по своему содержанію, такъ разношерстенъ по составу, что польза, имъ приносимая, ничтожна.

Въ Томскѣ какая то удивительная почва, до крайности неблагопріятная для подобныхъ учрежденій.

Въ 1881 году, возвращаясь изъ своего путешествія на Алтай и за Саяны съ верхняго Енисея въ Мину-

синскъ, я задержался въ этомъ городкѣ. Познакомившись съ основателемъ минусинскаго музея Н. М. Мартьяновымъ, я встрѣтилъ въ немъ горячаго поборника идеи распространенія музеевъ, какъ общеобразовательныхъ учрежденій. Онъ уговорилъ меня сдѣлать попытку основать музей въ Томскѣ и съ этою цѣлью выдѣлилъ весьма значительную коллекцію предметовъ изъ своихъ, тогда еще скудныхъ, запасовъ, по всѣмъ отдѣламъ естествознанія.

Эту коллекцію я привезъ тогда въ Томскъ, пробовалъ кой-кого заинтересовать въ устройствѣ музея, получить для этого, хотя бы маленькое, помѣщеніе и средства, но ничего не могъ сдѣлать. Можетъ быть, я не сумѣлъ сдѣлать, но вѣдь не нашлось тогда и вообще лицъ, которымъ бы такое учрежденіе показалось интереснымъ.

Наконецъ, 19 февраля 1911 г. томская городская дума постановила учредить областной сибирскій научно-художественный музей въ Томскѣ имени Александра II, желая закрѣпить этимъ учрежденіемъ память объ исполнившемся пятидесятилѣтіи со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и ассигновала на постройку зданія для музея 50 тысячъ. Одновременно дума приняла еще и параллельное предложеніе нѣсколькихъ лицъ объ устройствѣ музея на открытомъ воздухѣ и отвела для него бывшій лагерный садъ, какъ мѣсто устройства народныхъ гуляній и какъ мѣсто, куда со временемъ должны перевозиться разныя старинныя жилыя и нежилыя постройки со всей ихъ обстановкой.

Для практическаго выполненія этой большой и сложной задачи—создать грандіозное учрежденіе, въ которомъ была бы представлена вся Сибирь со всѣми населяющими ее многочисленными народностями—дума выбрала особый комитетъ изъ 9 лицъ, поручивъ ему выработку плана зданія музея, собираніе средствъ, собираніе и храненіе предметовъ и т. п. Прошло съ того времени слишкомъ 2½ года, и что же вышло?

Дѣло созданія музея не только остановилось въ самомъ началѣ, а и самая мысль объ этомъ заглохла, и думское постановленіе уже быльемъ поросло.

Такъ какъ я былъ въ числѣ 9 избранныхъ думою лицъ и притомъ состою секретаремъ комитета, то теперь, покидая Томскъ, считаю удобнымъ, во 1-хъ, на-

помнить о думскомъ постановленіи, чтобы безусловно хорошее и необходимое начинаніе дума новаго состава приняла къ сердцу и изыскала средства къ его осуществленію, а, во вторыхъ, считаю себя обязаннымъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомить общество съ тѣмъ, что комитетомъ сдѣлано и что будущимъ нашимъ преемникамъ предстоитъ сдѣлать.

Работа комитета велась въ двухъ направленіяхъ и, такъ сказать, для двухъ концовъ города... Съ одной стороны, предполагалось упорядочить и устроить отведенный городомъ участокъ изъ-подъ бывшихъ лагерей, т. е. нанести его на планъ, укрѣпить берегъ, обнести оградой, произвести посадку деревьевъ, намѣтивъ участки для музея на открытомъ воздухѣ, и построить необходимое зданіе для устройства народныхъ гуляній. Съ другой стороны, подыскивалось мѣсто для городского музея, вырабатывались зданія для конкурса на постройку зданія, запроектированнаго между домомъ науки и коммерческимъ училищемъ, собирались коллекціи и пожертвованія. Всѣ эти предположенія были предметомъ сужденія на тѣхъ 10 засѣданіяхъ музейнаго комитета, которыя состоялись—пять въ 1911 г. и пять въ 1912 г., и затѣмъ перешли въ видѣ опредѣленныхъ порученій къ отдѣльнымъ членамъ комитета.

Лагерный участокъ надѣялись приспособить, оборудовать уже съ весны текущаго года, заручившись сочувствіемъ министра финансовъ В. Н. Коковцева и согласіемъ на полученіе единовременной субсидіи въ 8000 руб. и затѣмъ ежегодной въ 1—1½ тысячи рублей изъ суммъ попечительства о народной трезвости. Личныя ходатайства въ этомъ направленіи въ Петербургѣ предсѣдателя комитета управляющаго акцизными сборами Томской губ. и Семипалат. области Ф. Я. Несмѣлова и обѣщанія томскаго губернатора П. К. Грана поддержать эти ходатайства лично въ Петербургѣ давали надежду на успѣхъ, а рѣшимость инициатора организаціи музея на открытомъ воздухѣ, члена комитета барона Б. А. Аминова, начальника округа путей сообщенія, перевезти на казенныхъ пароходахъ нѣкоторыя остяцкія постройки изъ Нарымскаго края обѣщала скорое осуществленіе этого начинанія.

Однако, все осталось въ области предположеній. Министерство финансовъ отказалось отпустить поне-

чительству о народ. трезвости обѣщанную сумму, а затѣмъ г. Несмѣлова перевели изъ Томска въ Европ. Россію, а баронъ Аминовъ и совсѣмъ ушелъ въ отставку и переселился въ Финляндію.

Точно также дѣло съ постройкой музейнаго зданія затормозилось изъ за отсутствія средствъ у города. Комитетъ, имѣя въ своемъ составѣ двухъ архитекторовъ и пригласивъ еще третьяго, призналъ, что ассигнуемыхъ городомъ 50 тыс. для задуманнаго учрежденія далеко не достаточно, и разработалъ заданія для конкурса на представленіе проектовъ музейскаго зданія съ такимъ предположеніемъ, чтобъ зданіе это можно было строить частями, по мѣрѣ поступленія средствъ—путемъ ли крупныхъ пожертвованій частныхъ лицъ, или путемъ дополнительныхъ ассигнованій городомъ, опредѣливъ общую стоимость зданія въ 150 тысячъ рублей. Но и разработка заданій конкурса осталась незаконченной за выѣздомъ изъ Томска архитекторовъ Л. С. Князева, которому это было поручено, и Т. Л. Фишеля, а затѣмъ и Ф. Я. Несмѣлова. Относительно собиранія денежныхъ средствъ и коллекцій комитетъ сдѣлалъ также нѣсколько шаговъ, но и здѣсь полученные результаты не менѣе печальны.

Прежде всего, комитетъ долго не могъ получить разрѣшенія на собираніе средствъ путемъ разсылки подписныхъ листовъ, но когда и получилъ это разрѣшеніе, то губернаторъ П. К. Граnъ обставилъ его цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ условій, ограничивъ разсылку листовъ предѣлами Томской губерніи. Разосланные нѣсколько десятковъ подписныхъ листовъ пока еще не возвращены, но, судя по тому, какъ отнесся къ этому дѣлу томскій городской голова П. М. Некрасовъ, на подписку надѣяться нечего. П. М. Некрасову, какъ главѣ городского управленія, задумавшаго учредить музей, 17 апрѣля 1912 г. былъ посланъ подписной листъ за № 1. 5 декабря прошлаго года г. Некрасовъ вернулъ комитету этотъ листъ съ характернымъ отношеніемъ на бланкѣ городского головы, въ которомъ онъ „увѣдомляетъ, что лицъ, желающихъ жертвовать, не оказалось“.

Къ П. М. Некрасову нельзя, конечно, предъявлять слишкомъ большихъ требованій и ожидать пониманія въ вопросахъ внѣ его образованія и компе-

тенціи, но все же положеніе головы, да еще университетскаго города, обязывало его къ соблюденію извѣстнаго такта, къ огражденію достоинства своего оффиціальнаго положенія. Но у него не достало даже такого чутья.

Для привлеченія коллекцій въ будущій музей была составлена популярная брошюрка, выясняющая значеніе такихъ учрежденій, какъ музей, и указывающая, какія группы разнообразныхъ предметовъ могутъ занять свое мѣсто въ этомъ учрежденіи. Напечатанная въ 3000 экземпляровъ, брошюрка эта была разослана различнымъ лицамъ и учрежденіямъ, но сама по себѣ она не вызвала притока предметовъ. Коллекціи и предметы, если и поступали, то почти исключительно отъ лицъ, и безъ этихъ разъясненій понимавшихъ значеніе музея.

Всего за истекшее время поступило въ областной сибирскій музей 351 предметовъ отъ 15 лицъ. Наибольшее количество предметовъ (155) относится къ зоологіи. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что, какъ только состоялось думское постановленіе объ учрежденіи въ Томскѣ музея, на это горячо откликнулся мѣщанинъ П. А. Шастовскій, Въ заявленіи, поданномъ имъ 26 февраля 1911 г. въ комитетъ музея, онъ принесъ въ даръ музею большую коллекцію сибирскихъ птицъ и млекопитающихъ, собранную имъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Слѣдующее мѣсто по числу предметовъ занимаетъ этнографія—94 номера, затѣмъ геологія—74, археологія—23, ботаника 5 и антропологія—2 предмета.

Поступавшіе предметы занесены въ инвентарь по современной системѣ регистраціи, усвоенной какъ западно-европейскими музеями, такъ и нашими, русскими, каковы музеи академіи наукъ, Императора Александра III и проч. Всѣ они занесены коллекціями подъ общимъ номеромъ въ связи съ каждымъ отдѣльнымъ жертвователемъ и съ составленіемъ подробнаго описанія въ особыхъ такъ называемыхъ регистраціонныхъ спискахъ.

По соглашенію комитета музея съ совѣтомъ общества попеченія о народномъ образованіи, эти коллекціи размѣщены подъ своими этикетами въ музеѣ прикладныхъ знаній при безплатной библіотекѣ для обозрѣнія публикой.

Было бы весьма желательно, чтобъ, хотя бы въ этомъ направленіи, продолжался ростъ будущаго областного сибирскаго музея и тѣмъ полнѣе достигалась польза, лежащая въ основѣ этого общеобразовательнаго учрежденія.

Новому составу городской думы необходимо на первыхъ же порахъ обновить сильно порѣдѣвшій составъ комитета музея. Съ выѣздомъ изъ Томска членовъ его—барона Б. А. Аминова, Е. Л. Зубашева, Ф. Я. Несмѣлова, Т. Л. Фишеля и меня, въ немъ остаются только четыре члена—П. И. Макушинъ, Г. И. Потанинъ, В. Ф. Оржешко и К. Р. Эманъ."

Когда я прочиталъ эту статью, то невольно пожалѣлъ томскихъ музейныхъ дѣятелей за то, что они повели дѣло не „съ того конца".

Оказывается, они начали постройку музея чисто канцелярскимъ путемъ.

Начали писать въ томскую городскую думу объ отводѣ подъ музей сразу двухъ участковъ земли въ разныхъ концахъ города и объ ассигнованіи средствъ на постройку зданія музея; начали писать къ министру финансовъ и въ попечительство о народной трезвости о субсидіяхъ; начали писать и разсылать подписные листы для сбора пожертвованій на музей.

Потомъ начали писать и печатать въ 3000 экземпляровъ брошюрку и разсылать ее по разнымъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой о пожертвованіи въ будущій музей разныхъ коллекцій.

Все писали и писали.....

И понятное дѣло, что изъ этихъ писаній ничего не получилось.

Нужно было дѣлать, а не писать.

Вотъ этого то, самого главнаго, и не было въ Томскѣ, а было въ другихъ, даже маленькихъ, сибирскихъ городахъ, какъ Минусинскъ, Ачинскъ и др. Для всякаго дѣла нужны люди, и люди увлекающіеся, способные всей душой отдаться любимому дѣлу, какъ напр. П. М. Мартьяновъ въ Минусинскѣ.

И такъ какъ, далѣе, одинъ въ полѣ не воинъ, нужно, чтобы образовалась, хотя небольшая, организація, которая бы согрѣвала и живила творческую работу созидателей музея.

Правда, въ Томскѣ была особая музейная комиссія, но всѣмъ извѣстно, что представляютъ изъ себя разныя комиссіи. Это обычный способъ похоронить любое начинаніе. И том-

ская комиссія въ сущности ничего не сдѣлала, кромѣ 10 засѣданій въ два года (какъ мало!), да разныхъ „покорнѣйшихъ прошеній“, въ результатѣ коихъ, какъ признается А. В. Адріановъ, самая мысль о музеѣ въ Томскѣ заглохла.

Нѣтъ, нужны не шаблонныя комиссіи, а тѣсно сплоченныя организаціи, состоящія изъ людей, глубоко преданныхъ и добровольно отдавшихся своему дѣлу.

Можно начинать дѣло не сразу съ, „палатъ каменныхъ“, можно ютиться на первыхъ порахъ и по „угламъ“, а когда музей подростетъ, обогатится коллекціями, когда, дѣйствительно, всѣ увидятъ необходимость въ постройкѣ обширнаго зданія, тогда живые работники музея найдутъ все, какъ находили другіе музеи.

Маленькій примѣръ.

Въ Иркутскѣ года два тому назадъ возникла, благодаря стараніямъ небольшой, но сплоченной группы любителей сибирской старины, губернская ученая архивная комиссія.

И сразу началась работа.

Теперь у комиссіи есть уже маленькій фондъ на постройку собственнаго музея, изданъ довольно большой томъ „Трудовъ“ ея членовъ, собрано значительное (не 351, а гораздо болѣе) количество очень интересныхъ предметовъ; во время нынѣшней пасхальной недѣли была устроена выставка (первая въ Сибири) предметовъ старины, которая прошла съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

У архивной комиссіи были то же подписные листы, но ихъ не разсылали, а съ ними лично ходили члены комиссіи. И результатъ былъ опять болѣе или менѣе благопріятный. Я, напр., собралъ свыше 300 рублей.

Томскъ довольно крупный городъ съ массой интелегентныхъ силъ. Здѣсь, конечно, можно найти подходящихъ дѣятелей, сорганизовать ихъ и поставить во главѣ созданія музея.

Повторяю, что всякое живое дѣло требуетъ прежде всего живыхъ дѣятелей, а остальное все „приложится“.

А. Линьковъ.

ЗАМѢТКИ.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ СЛАВЛЕНІЕ ХРИСТА въ селѣ Митрофановскомъ, Семипалатинскаго уѣзда, Семипалатинской области.

Въ селѣ Митрофановскомъ, населенномъ переселенцами изъ разныхъ губерній, существуютъ нѣсколько варіантовъ Рождественскаго Христославія. Приводимъ ихъ здѣсь.

Подростки ходятъ по домамъ и поютъ слѣдующій стихъ:

Первый варіантъ.

«Зашла звѣзда чудна съ востокъ до полудня,
Надъ Вертепомъ сіяя,
Тронъ царямъ путевляя.
Шедшимъ тріемъ царямъ,
Несутъ Христу дары.
Продъ пригласилъ:
Куда идете?—онъ спросилъ.
Мы идемъ къ Рожденному.
Ангелъ, ихъ встрѣчая,
На свой путь справляя:
Моимъ путемъ идите,
Ко Ироду не ходите,
Продъ, это узнавши,
Весьма засмутился,
Что у городѣ Виолеемѣ
Христосъ народился.
Пастыри, это узнавши,
Стали славословить:
Слава, Богъ нарожденный,
Въ ясляхъ положенный!
Спасетъ Богъ человѣка
Отъ нынѣ и до вѣка
И на многія лѣта!"

Второе Христославіе. Также ходятъ по домамъ и поютъ:

О, ликуйте, возыгралъ намъ днесь:
Богъ яви намъ благодать съ небесъ.
Христосъ нынѣ—нынѣ народився
Отъ Непорочной Дѣвы Маріи.

Умири для насъ и ты, Іосифъ!
Съ нами торжествуй и ты, Давидъ,
Радостно спразднуй!
Это дано, это подано отъ Мануилъ,
Съ неба послано, по пророчеству, Колофилема.
Это положенъ Іисусъ Младенецъ,
Изъ Дѣвы рожденно.
Пастырія намъ смирно пойте,
Царю поклонъ воздайте.
А мы Тому чтимся и стишимся:
Рождеству Христову честно славимся,
Желаемъ рѣчи живо даровати,
У годинцахъ годи царствовати
На вѣки. Аминь!

Наконецъ, третій способъ рождественскаго славленія состоитъ въ обычномъ колядованіи. Мальчики колядуютъ:

Каляда калядница—
Добра съ медомъ паляница!
А безъ меду ни така,
Дай ты, дядьку, пятака.
Не дадите пятака,
Я корову за рога!

Свящ. Бор. Герасимовъ.

* * *

НЕ БЫВАТЬ БЫ СЧАСТЬЮ ВЪ МИНУСИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОГИМНАЗІИ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО. На первыхъ порахъ своего существованія это было одно изъ бѣднѣйшихъ учебныхъ заведеній. Собственно говоря, и теперь оно, развернувшееся въ полную гимназію, не можетъ похвалиться, хотя бы нѣкоторой „зажиточностью“.

Въ 1888 году въ прогимназіи была такая бѣдность, что нечѣмъ было покрасить половъ и классныхъ досокъ. Эту „бѣду“ поправила одна случайность.

Въ это время въ прогимназіи служила учительницей исторіи и географіи А. М. Григорьева, теперь начальница собственной женской гимназіи въ Иркутскѣ. Находясь одно время въ стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, она попросила заимообразно у извѣстнаго въ Иркутскѣ богача Петра Александровича Сиверса 200 рублей, который охотно ихъ далъ.

Потомъ Анна Михайловна съ благодарностью возвратила П. А. Сиверсу свой долгъ, но тотъ отказался принять его, указавъ, что лучше будетъ употребить ихъ на неотложныя нужды и надобности Минусинской женской прогимназіи.

На эти то двѣсти рублей и произвели въ прогимназіи покраску половъ и другой необходимый ремонтъ.

А. Старовѣровъ.

* * *

НЕБРЕЖНОЕ ХРАНЕНІЕ КИРЕНСКАГО АРХИВА.

Лѣтомъ 1911 года, будучи проѣздомъ въ Киренскѣ, я изъ мелочной лавки получилъ покупку, завернутую въ бумагу, которая своимъ внѣшнимъ видомъ обратила мое вниманіе: сѣраго цвѣта, очень плотная, какъ картонъ, исписана старинымъ письмомъ. Разсмотрѣвъ ее внимательно, я убѣдился, что эта бумажка имѣетъ почтенный возрастъ—125 лѣтъ и представляетъ изъ себя оффиціальный рапортъ. Привожу содержаніе его полностью и съ сохраненіемъ ороографіи подлинника.

„Вустькиренскую нижную расправу илимской ратуши отъ Бургомистра Гладковскихъ.

Рапортъ

насообщеніе изоной расправы октября д. 16-го подъ № 81 авилимской ратуше получено ноября 9-го числа сего году въ коемъ написано и резолюцыей заключено на донось рапортомъ изкиренскаго нижнего Земскаго Суда о сыску и о высылкѣ илимскаго мѣщанина Степана Вологженина. Вускуцкой соленой заводъ со своея стороны сдепутатомъ для ращета з заводчицей аныне Госпожи Капитанши кавалевской по намъ оной Вологженинъ отоной ратуши наподачю ево доношенія дорезолюцыи отпущенъ для любопытствия и приобретения ползы акакъ онъ явится [такъ] Вылимскую ратушу будетъ высланъ сдепутатомъ вускуцкой соленой заводъ и должна уведомить особымъ сообщеніемъ устькиренской нижней расправе и обономъ благоволи быть извесна. ноября 28-го дня 1786 году Илимской ратуши Бургомистръ андрей Гладковскихъ." Сбоку выставленъ „№ 189," а сверху помѣтка полученія „№ 85 Поданъ 15 декабря 786 году."

Нѣсколько интереснхъ выводовъ можно получить по прочтеніи этого рапорта: въ старину, какъ видно, канцелярщина не процвѣтала, такъ какъ такое крупное учрежденіе, какъ городская ратуша, въ теченіе 11 мѣсяцевъ выпустила только 189 №№; бумажка эта путешествовала болѣе полмѣсяца, хотя разстояніе отъ Илимска до Киренска сравнительно небольшое. Къ исторіи мѣстнаго края можно отнести тотъ фактъ, что 125 лѣтъ тому назадъ Усть-Кутскій солеваренный заводъ не эксплоатировался казной, а сдавался въ аренду частному лицу, г. Ковалевской, разсчитываться съ которой, какъ видно, не очень то хотѣлось Вологженину, т. к. опъ

отправился и былъ „отпущенъ для любопытствія и пріобретенія пользы“, хотя, какъ илимскій мѣщанинъ, если и не жилъ въ Илимскѣ, то, вѣроятно, бывалъ въ немъ не однажды и въ указанное время ему интересоваться ос обенно было нечѣмъ.

Такимъ образомъ, эта архивная бумажка особой исторической цѣнности не имѣетъ и цѣль настоящей замѣтки состоитъ не въ томъ, чтобы познакомить съ содержаніемъ ея, а въ томъ, чтобы обратить вниманіе на то обстоятельство, что такой старинный архивъ, какъ киренскій, безжалостно уничтожается, бумаги его сдаются въ лавки на обертку и, быть можетъ, бумаги огромной исторической цѣнности безслѣдно пропадаютъ для науки. для исторіи приленскаго края.

Кв. Любимовъ.

* * *

ИЗЪ ЖИЗНИ И. С. ХАМИНОВА. Благотворительность иркутскаго 1 гильдіи купца И. С. Хаминова вошла еще при его жизни въ поговорку: „я вѣдь не Хаминовъ, чтобы вездѣ жертвовать“.

Дѣйствительно, не было въ Иркутскѣ благотворительнаго общества и дѣла, на которое не отозвался бы Иванъ Степановичъ.

Среди иркутянъ и теперь еще ходитъ не мало анекдотовъ о благотворительности Хаминова. Разсказываютъ подъ часъ такіе курьезы, что прямо не вѣрится; напр., къ подписанной имъ цифрѣ пожертвованій лица, имущія власть, просто приписывали сзади нуль или два нуля. Такъ, если Хаминовъ подпишетъ 100 рублей, то эти деньги мигомъ превращались въ 1000 р. Превращенія эти были обычными и, говорятъ, не смущали особенно жертвователя. Наоборотъ, онъ бывалъ даже очень доволенъ, когда исправленіе ограничивалось однимъ нулемъ.

— Это еще ничего, могло быть хуже!

И бывало.

Дошло дѣло до того, что И. С. Хаминова не спрашивали, пожертвуетъ ли онъ на такое то дѣло, а прямо писали что онъ уже изъявилъ желаніе сдѣлать это пожертвованіе.

Вотъ документъ.

Въ 1873 году попечительный совѣтъ иркутской женской гимназіи (теперь 1-я) представилъ въ учебный округъ журнальныя постановленія совѣта за 1872 учебный годъ, на которыхъ положена резолюція Главнаго Инспектора:

„ Разсмотрѣть протоколы засѣданій 28 апрѣля, 1 іюня и 9 іюля, въ которыхъ разсуждалось о томъ, что по случаю пріѣзда Великаго Князя необходимо окрасить и декорировать

зданіе женской гимназіи и заявлено, что членъ совѣта П. С Хаминовъ выразилъ желаніе расходъ этотъ принять на себя. 1 и 3 изъ этихъ протоколовъ г. Хаминовымъ не подписаны и онъ сообщилъ мнѣ словесно, что никогда такого намѣренія не имѣлъ и *не высказывалъ*.

Замѣтить попечительному совѣту, что по закону въ началѣ каждаго протокола должны быть фамиліи *присутствовавшихъ* лицъ".

Такимъ образомъ, Ивана Степановича не было на упомянутыхъ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и ужъ, конечно, онъ не могъ высказывать здѣсь своего желанія о принятіи на себя какихъ бы то ни было расходовъ.

Но маленькое превращеніе и.... Хаминовъ *былъ и говорилъ*!....

А. Старовѣровъ.

* * *

СТИХОТВОРЕНІЯ И ОТРЫВКИ ИЗЪ ПРОШЛОЙ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. Во время послѣдней войны Россіи съ Японіей и послѣ ея въ нашей арміи и среди населенія распространялись въ рукописяхъ, гектографированномъ видѣ и подпольныхъ журналахъ стихотворенія и пѣсни сатирическаго характера, направленныя противъ генераловъ.

Особенною, если можно такъ выразиться, любовью пользовались: Куропаткинъ Линевичъ, Каульбарсъ, Макаровъ, Ренненкампфъ и другіе. Содержаніе стихотвореній, конечно, не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, но характерно, какъ показатель непріязненнаго отношенія общества къ руководителямъ войны, проигравшимъ кампанію.

Къ сожалѣнію, въ моей памяти сохранилось весьма немного.

Пародія на стих. М. Ю. Лермонтова „Споръ".

Какъ-то разъ, предъ Пасхой самой,
Средь маньчжурскихъ горъ,
У Линевича съ Ойямой*)
Былъ великій споръ.
—Берегись,—сказалъ папаша,—
Я не такъ, вѣдь, простъ,

*] Японскій главнокомандующій.

Чтобы снова сила наша
Показала хвостъ.
Я настрою укрѣпленій,
Пушекъ навезу,
И такихъ вамъ угощеній
Скоро поднесу,
Что японцы не забудутъ
Русскую страну,
Запрещать и внукамъ будутъ
Объявлять войну.
Я тебѣ накостыляю,
Говорю впередъ:
Берегись! Я повторяю:
Силенъ нашъ народъ.
— Не боюсь тебя, конечно,—
Маршалъ отвѣчалъ,—
Всѣмъ извѣстно, какъ безпечно
Вашъ народъ все спалъ.
Посмотри, въ своей палаткѣ,
Голову склоня.
Дремлетъ Куропаткинъ,
Свой покой цѣня.
Дальше, вонъ у Маймыкая,
Сладко такъ зѣвнулъ,
И, какъ старый лупь, вздыхая,
Каульбарсъ заснулъ.
Дальше старый..... Батьяновъ
Дрыхнетъ и храпитъ....
Весь составъ вашъ генераловъ
Поголовно спитъ.
Да и ты, старикъ, признаться,
Носомъ ужъ клюешь;
Не успѣлъ за дѣло взяться,
А, смотри, уснешь!.....
.....
.....

Конецъ этого стихотворенія уже изгладился изъ моей памяти.

(Продолженіе будетъ).

А. Фарафонтовъ.

НѢКОТОРЫЯ ДАННЫЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ НАЗВАНІЯ ДЕР. ДВОРЕЦЪ. Физическое положеніе деревни, ея внѣшній видъ мало говорятъ о генезисѣ ея названія: это одна изъ обычныхъ сибирскихъ деревень, пріютившихся на лѣвомъ берегу рѣки Ангары, съ незатѣйливыми крестьянскими домишками, уже утратившими свой прежній старинный видъ.

Что же послужило поводомъ къ ея названію?

Относительно этого существуютъ два предположенія.

Одни склонны думать, что названіе д. Дворецъ происходитъ отъ слова „дворъ", которымъ, какъ думаютъ, въ прежнія времена обозначалось огороженное тыномъ мѣсто, гдѣ помѣщалась „царская изба", или „контора" для сбора ясака съ мѣстныхъ инородцевъ тунгусовъ.

Но если мы развернемъ картину отдаленнаго прошлаго этой деревни, вслушаемся въ разсказы интеллигентныхъ тружениковъ ея окрестныхъ селъ, проведшихъ много лѣтъ на Ангарѣ, а также и крестьянъ-хранителей старины края, то интересующій насъ вопросъ получитъ нѣсколько другое освѣщеніе.

Второе предположеніе тѣсно связано съ исторіей Кашино-Шиверскаго монастыря [1]).

Этотъ монастырь былъ основанъ приблизительно въ 1708 году двумя монахами, выходцами изъ г. Иркутска, для сбора ясака съ инородцевъ, главнымъ же образомъ, для привлеченія ихъ къ христіанству. Построенъ онъ былъ въ 500 верстахъ отъ устья Ангары, на правомъ ея берегу, и на первыхъ порахъ имѣлъ только деревянную церковь и избы, гдѣ жительствовали монахи. Въ распоряженіе монастырю даны были, такъ называемые, экономическіе люди, т. е. крѣпостные крестьяне, занимавшіеся скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Монастырь на далекое разстояніе былъ окруженъ непроходимой тайгой, изобилующей разнаго рода хищными звѣрями. Открытыхъ мѣстъ не было, не было пастбищъ и пашенъ, монастырскій же скотъ, бродившій по тайгѣ, подвергался нападенію со стороны хищниковъ; нерѣдки были случаи, когда хищные звѣри уводили скотъ даже изъ монастырской ограды. Естественно, что, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, появилось стремленіе къ новымъ мѣстамъ, болѣе удобнымъ какъ для скотоводства, такъ и для хлѣбопашества.

---

[1]) Получилъ свое названіе отъ близъ лежащихъ (въ 2-3 верстахъ ниже монастыря) Кашиныхъ шиверъ. Въ настоящее время село того же названія; иногда оно называется просто Монастыремъ.

Этимъ требованіямъ отвѣчала мѣстность, расположенная въ 3-хъ верстахъ выше Кашино-Шиверскаго монастыря, на противоположномъ берегу рѣки. Здѣсь то и обосновались экономическіе крестьяне, построивъ нѣсколько крытыхъ дворовъ [1]) для скота.

Вскорѣ, большое количество молока, а съ нимъ и избытокъ молочныхъ продуктовъ составили этимъ дворамъ большую славу среди окрестныхъ крестьянъ. Они стали называть эту мѣстность „Дворецъ“, такъ что сложилась даже пословица: „поѣдемъ во Дворецъ хлебать варенецъ“.

Въ скоромъ времени и здѣсь не хватило черноземныхъ мѣстъ, слѣдствіемъ чего было появленіе монастырскихъ экономическихъ людей въ верховьяхъ рѣки Муры. Найденныя здѣсь земли, свободныя отъ лѣса, заняты были подъ пашни. Сравнительно дальное разстояніе отъ Кашино-Шиверскаго монастыря (90 верстъ), главнымъ же образомъ, трудность сообщенія, послужили причиной къ основанію здѣсь поселка Червянскаго [2]), гдѣ поселились экономическіе крестьяне [3]). Отсюда въ зимнее время доставляли хлѣбъ въ монастырь.

Прошло нѣсколько лѣтъ, монастырская церковь сгорѣла, монахи, число коихъ не превышало десяти, пожертвовали свое жилище подъ „келью“, которая замѣняла собой церковь до тѣхъ поръ, пока енисейскій казакъ Захаръ Толстыхъ, извѣстный въ тѣ времена жертвователь, не выстроилъ на свой капиталъ каменную церковь. Въ настоящее время на мѣстѣ прежней церкви стоитъ часовенка-крестикъ, носящая у мѣстныхъ жителей названіе „кобчикъ“, а на мѣстѣ „кельи“—вышеупомянутая каменная церковь.

Въ 1808 году монастырь былъ упраздненъ на томъ основаніи, что обязанность собирать ясакъ съ инородцевъ была передана властямъ свѣтскимъ. Съ упраздненіемъ монастыря, потерялъ свое значеніе и скотій дворъ, вмѣсто котораго стоитъ дер. Дворецъ; по этой же причинѣ были распущены и экономическіе люди, потомки коихъ живутъ въ сс. Кашино-Шиверскомъ, Червянскомъ и д. Дворецъ.

Кв. А. Чекажижскій.

---

[1]) На Ангарѣ для помѣщенія скота строются спеціально крытые дворы; входъ дѣлается прямо изъ сѣней крестьянской избы. Устройство крытыхъ дворовъ объясняется суровостью зимы и буранами.

[2]) Теперь село того же названія.

[3]) Этими же «первенцами» была проложена дорога на с. Тайшетъ въ Иркутскомъ тракту. Теперь она замѣнена шоссейной, построенной въ періодъ 1910-12 год. енисейскимъ переселенческимъ управленіемъ и носитъ названіе Тайшетъ-Дворецкой дороги.

* * *

ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. Въ нынѣшнемъ 1913 г. исполнилось ровно 55 лѣтъ съ того времени, какъ былъ заключенъ извѣстный Айгунскій договоръ, по которому весь лѣвый берегъ Амура отошелъ къ Россіи.

Не лишне по этому подвести итоги тому, что мы сдѣлали за этотъ періодъ въ новомъ краѣ (безъ Камчатки и Сахалина) въ области народнаго просвѣщенія.

Населеніе Амурской области къ 1912 г. достигало 286 тыс. чел., а Приморской—485 тыс. Всего, значитъ, по обѣимъ областямъ—771 тыс. ч. обоего пола.

Въ настоящее время въ краѣ имѣются слѣдующія учебныя заведенія.

Высшихъ учебныхъ заведеній 1, Институтъ восточныхъ языковъ во Владивостокѣ; въ $19^{12}/_{13}$ уч. году было 138 студентовъ и вольнослушателей.

Мужскихъ гимназій 2, во Владивостокѣ и Благовѣщенскѣ; 1247 учащихся.

Реальныхъ училищъ 4, въ Никольскѣ, Николаевскѣ, Хабаровскѣ и Благовѣщенскѣ; 1033 учащихся.

Частныхъ училищъ съ гимназическимъ курсомъ 1
„ съ прогимназическимъ курсомъ . 1
„ съ курсомъ реальныхъ училищъ . 1
} 644 уч.

Коммерческихъ училищъ 1, во Владивостокѣ; 180 уч.
Училищъ дальняго плаванія 1, во Владивостокѣ; 50 уч.
Кадетскихъ корпусовъ 1, въ Хабаровскѣ; 270 уч.
Женскихъ гимназій 6; учениц 2534.
Женскихъ прогимназій 3; учениц 540.
Учительскихъ семинарій 1, въ Никольскѣ; 82 уч.
Частныхъ училищъ 1 разряда 3; учащихся 840.
Частныхъ училищъ 2 разряда 1; учащихся 143.
Духовныхъ семинарій 1, въ Благовѣщенскѣ; 250 уч.

Епархіальныхъ женскихъ училищъ 1, въ Благовѣщенскѣ; учен. 300.

Городскихъ по Полож. 1872 г. училищъ 8; учащихся 1279.
Низшихъ ремесленныхъ училищъ 3; учащихся 225 уч.
Желѣзнодорожныхъ училищъ 1, въ Хабаровскѣ; 60 уч.
Рѣчныхъ училищъ 1, въ Благовѣщенскѣ; 25 уч.
Лѣсныхъ школъ 1, въ Никольскѣ; 30 уч.
Духовныхъ училищъ 1, въ Благовѣщенскѣ; 120 уч.

Начальныхъ училищъ Мин. Нар. Просвѣщенія:

Одноклассныхъ	469	42. 996 уч.
Двухклассныхъ . . .	68	
Инородческихъ . . .	34	
Желѣзнодорожныхъ . .	15	
Частныхъ уч. зав. 3 разр. 3		

Начальныхъ училищъ Вѣд. Правосл. Исповѣданія:

Одноклассныхъ. . . .	127	11.303 уч.
Второклассныхъ . . .	1	
Двухклассныхъ . . .	33	
Инородческихъ . . .	21	

Казачьихъ школъ:

Одноклассныхъ . . .	91	5.324 уч.
Двухклассныхъ . . .	20	

Всѣхъ учебныхъ заведеній въ краѣ 927 съ 59.593 учащимся обоего пола.

Слѣдовательно, въ Приамурскомъ краѣ 1 училище приходится на 832 жителей, и 1 ученикъ на 13 жителей, или на 1000 населенія 77 учениковъ. Цифра, нужно сказать, весьма утѣшительная, если принять во вниманіе общій низкій процентъ отношенія числа учениковъ къ населенію въ Россіи. Проф. Озеровъ въ своей брошюрѣ „На борьбу съ народной тьмой“ даетъ такія цифры: учащихся на тысячу населенія въ Россіи 36, во Франціи 146, въ Англіи 155, Германіи 158, въ Соединен. Штатахъ 230.

А. Горшенинъ.

* * *

† ПРОТ. И. А. ПОДГОРБУНСКІЙ И И. И. ПРОТАСОВЪ. Нынѣшняя осень оказалась роковой для двухъ довольно видныхъ общественныхъ дѣятелей въ Иркутскѣ. Умерли одинъ за другимъ: протоіерей Иннокентій Александровичъ Подгорбунскій и псаломщикъ при Крестовоздвиженской церкви Николай Петровичъ Протасовъ.

Біографическія свѣдѣнія объ о. Подгорбунскомъ помѣщены въ газетѣ „Сибирь“ (№ 210) и въ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 20 и 22). Некрологи эти, написанные еще надъ свѣжей могилой, конечно, не полны, а въ „Епарх. Вѣдом.“ черезчуръ отдаютъ елеомъ. Нужно надѣяться, что со временемъ появится болѣе обстоятельная и объективная оцѣнка научной и общественной дѣятельности покойнаго о. протоіерея. Это былъ незаурядный работникъ на горизонтѣ нашего края.

О Николаѣ Петровичѣ Протасовѣ имѣются только небольшія замѣтки въ газетѣ „Сибирь“. Редакція „Сибирскаго Архива“ имѣетъ въ виду въ 1914 году дать болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этого замѣчательнаго самоучки—писателя и общественнаго дѣятеля.

Интересно теперь поднять вопросъ о судьбѣ рукописей и бумагъ этихъ двухъ дѣятелей, особенно о. Подгорбунскаго. Извѣстно, что у него на дому хранились для обработки нѣкоторыя рукописи, присылавшіяся разными лицами въ мѣстный географическій отдѣлъ. Позаботился ли распорядительный комитетъ отдѣла объ ихъ судьбѣ?

Изъ личныхъ бесѣдъ съ Н. П. Протасовымъ мнѣ извѣстно, что у него было приготовлено къ печатанію довольно значительное число статей. Отрывки изъ нѣкоторыхъ онъ мнѣ даже читалъ. Затѣмъ, онъ совѣтовался со мной, куда направить тѣ изъ статей, которыя въ Иркутскѣ не могутъ быть напечатаны по независящимъ отъ него причинамъ. Одна изъ этихъ статей о жизни и дѣятельности недавняго „временщика“ въ извѣстномъ ему вѣдомствѣ хранилась, какъ „зѣница ока“. Николаю Петровичу очень хотѣлось ее напечатать; я не знаю, послалъ ли онъ ее куда-нибудь, или нѣтъ; статья очень интересная, съ массой поразительныхъ фактовъ.

Гдѣ теперь его рукописи? Найдется ли заботливая рука, которая бережно сохранитъ ихъ для потомковъ?

Въ „Сибирскомъ Архивѣ“ Н. П. Протасовъ работалъ съ самаго основанія журнала. Въ лицѣ его редакція потеряла одного изъ своихъ близкихъ сотрудниковъ, а я—хорошаго друга.

А. Линьковъ.

* * *

ТРИ МОЛИТВЫ ДЛЯ ПРИВОРАЖИВАНІЯ. Эти молитвы имѣютъ большое распространеніе, какъ средство приворота, среди крестьянокъ Шарагульской волости, Нижнеудинскаго уѣзда, Иркутской губерніи.

Третья молитва читается на какой либо напитокъ, который потомъ даютъ выпить тому лицу, которое привораживаютъ.

Молитва I.

Гуріи, и Власы и Самойлы, помолите Бога, обезпокойте уста, сократите сердце. Возьмите съ меня тоску-кручинушку, съ рабы Божіей (имя рекъ), понесите ее не по пиямъ, по горамъ, не по темнымъ лѣсамъ, не по быстрымъ рѣкамъ и по зеленымъ лугамъ, ни въ какого звѣря, ни въ

какую скотину—и вложите въ раба Божія (имя рекъ), въ буйну голову, въ русы волосы, въ черны брови, въ ясны очи, въ легкую, въ печень, въ ретиво сердце, въ горячу кровь, чтобы тосковалъ, горевалъ бы о рабѣ Божіей (имя рекъ): и ѣлъ—не заѣдалъ бы, и пилъ—не запивалъ бы, спалъ—не засыпалъ бы, гулялъ—не загуливалъ бы, думалъ—не задумывалъ бы, съ ума-разума не сводилъ бы; казалась бы я ему краснѣй краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, чаще свѣтлыхъ звѣздъ; украшалась бы краснымъ солнцемъ, усвѣтлялась бы свѣтлымъ мѣсяцемъ, усыпалась бы частыми звѣздами—на всяку ночь, на всякъ день, на всяку минуту, на всяку секунду, во вѣки вѣковъ, аминь, отъ нынѣ и до вѣка.

Молитва II.

Какъ я, раба Божія (имя рекъ), не могу ни жить, ни быть безъ хлѣба, безъ соли, безъ зрѣнья-глядѣнья, безъ тѣлеснаго вздыханья и безъ пыханья; такъ же рабъ Божій (имя рекъ)—не могъ ни день денобать, ни ночь ночевать, ни часъ часовать, ни минуты минутовать безъ меня (имя рекъ); ни жить, ни быть; кипѣло бы, горѣло ретивое сердце, черная печень, горячая кровь. Казалась бы я ему бѣлѣе снѣга, алѣе мака алаго, милѣе отца—матери, милѣе всего рода—племени, милѣе всего міра крещенаго, милѣе всего свѣта бѣлаго, и гдѣ бы онъ ни увидалъ, скорѣе подбѣгалъ, въ ношу схваталъ, въ уста цѣловалъ и своей бы меня называлъ. Накатися, навалися тоска-тоскуча, и горя-горюча и слеза—кипуча на раба Божія (имя рекъ); уста мои—замокъ, языкъ—ключъ.

Молитва III.

Милый мой, родимый мой, рабъ Божій (имя рекъ), тоскую я, горюю я,—горюю я, раба Божія. Поди тоска—кручинушка въ буйну головушку, въ русы волосы, въ черны брови, въ ясны очи, въ красны губы, въ бѣлы зубы, въ легку, въ печень, въ горячу кровь, въ ретиво сердце; поди въ стальну кость, чтобы тосковалъ, горевалъ бы, ѣлъ—не заѣдалъ бы, пилъ—не запивалъ бы на всяку минуту, на всяку секунду, во вѣки вѣковъ, аминь, отъ нынѣ и до вѣка.

Сообщилъ В. Братскій.

с. Тулунъ.
Сентябрь 1913 г.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Позвольте на страницахъ Вашего уважаемаго журнала сказать пару „прочувствованныхъ“ словъ о дѣятельности правленія общества взаимнаго вспомоществованія учащихъ и учившихъ въ Енисейской губерніи.

Надо замѣтить, что правленіе находится въ Красноярскѣ, а общество призвано обслуживать обширнѣйшую изъ обширныхъ Енисейскую губернію. Естественно, что у части членовъ общества, обитающихъ въ нѣдрахъ Минусинскаго уѣзда, возникла мысль объ открытіи филіальнаго отдѣленія, чтобы общество могло полнѣе осуществить матеріальную и духовную взаимопомощь,—цѣль, достаточно ясно выраженную въ уставѣ его. Страннаго въ этомъ, разумѣется, ничего нѣтъ, потому что у десятка аналогичныхъ обществъ, функціонирующихъ въ Европейской Россіи, имѣются и недурно работаютъ уѣздныя отдѣленія. Открытіе отдѣленій предусмотрѣно и уставомъ общества.

Казалось бы, правленіе должно пойти на встрѣчу и помочь осуществленію благого начинанія.

Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ далеко не такъ. Правленіе общества никакъ не можетъ помириться съ такимъ явнымъ „сепаратизмомъ“ и на ходатайства „уѣздниковъ“ отвѣчаетъ..... обструкціей.

То, видите ли, ходатайство направлено не по адресу; то послано, да не отвѣчаютъ (какъ будто бы нельзя повторить такое ходатайство!); то само правленіе не удосужится отвѣтить на запросы интересующихся этимъ вопросомъ членовъ общества.....

Этимъ я, конечно, не отрицаю того, что иногда, *въ рѣдкихъ случаяхъ*, правленіе маленько безпокоится и хлопочетъ и объ уѣздникахъ. Мало того, я даже готовъ утверждать, что благодѣтельное вліяніе правленія распространяется, разумѣется, въ гомеопатическихъ дозахъ, не только на фаворитовъ и „родныхъ человѣчковъ“ правленія, а даже [дай, Богъ, за это правленію добраго здоровья!] на захолустныхъ, не „близко“ знакомыхъ учителей.

При всемъ этомъ, правленіе такъ „блюдетъ свои интересы и интересы фаворитовъ“, что такія счастливыя исклю-

чепія бываютъ лишь только для того, что ad augusta per angusta, т. е. нельзя достичь тріумфа, не преодолѣвъ множества затрудненій.

Вотъ почему среди уѣздниковъ невольно возникаетъ мысль самимъ устраивать свое счастье, а не ждать годами милости отъ изрѣдка „благоутробнаго“ правленія, которое, кстати сказать, въ отчетѣ за 1912 годъ притворяется наивнымъ ребенкомъ и льетъ крокодиловы слезы по поводу *инертности и равнодушія къ дѣламъ общества учительской массы*.

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться, и нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.

Примите, Г. Редакторъ, увѣреніе въ искреннемъ къ Вамъ уваженіи *В. Секторъ*.

Редакторъ-Издатель „Сибирскаго Архива“ А. Лиликовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Сибирскаго Архива“ за 1911—1912 годъ.

Книжка первая. *М. Овчинниковъ.* Н. И. Витковскій.—*П. Собокаревъ.* Изъ жизни Н. М. Ядринцева.—*А. Линьковъ.* Археологическія экскурсіи: а) с. Усть-Балей и р. Китой; б) деревни Крыжановщина—Щукино.—*Л. П.* А. Пономаревъ, его духовное завѣщаніе.—*А. Линьковъ.* Открытіе мужской прогимназіи въ г. Енисейскѣ.—Письма И. Д. Черскаго къ Н. И. Витковскому. *Замѣтки.* Изгнаніе изъ русской азбуки Θ и V.—Чьи стихи?—Тайша Аларскихъ бурятъ Матхановъ.—Митрополитъ, потерянный исправникомъ.—Стихи, пѣтые во время обѣда, даннаго по случаю пріѣзда въ Иркутскъ графа Муравьева—Амурскаго.—Сибирская жертва А. Стельснеръ.—Сибирская стипендія въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ.—Изъ міра труда.—Фальшивомонетчики.—Свѣдѣнія о стоимости имуществъ, истребленныхъ пожарами 22—24 іюня 1879 года.

Книжка вторая. *П. М Толмачевъ.* Заговоры и повѣрья въ Забайкальѣ.—*М. Овчинниковъ.* Олекминскіе скопцы.—*П. Собокаревъ.* Отрывокъ изъ воспоминаній о жизни на пріискахъ К⁰ Сибиряковъ, Нѣмчиновъ и Базановъ.—*А. Линьковъ.* Открытіе Красноярскаго Щеголевскаго ремесленнаго училища.—*А. С.* О декабристахъ Торсонѣ и Фаленбергѣ.—*Н.* Очевидцы о пожарахъ въ г. Иркутскѣ въ 1879 и 1897 гг.—*А. Линьковъ.* Пожертвованія на отечественную войну въ г. Иркутскѣ.—*Замѣтки.* Злостная эпиграмма на графа М. М. Сперанскаго.—Интересная кость.—Изъ народной медицины.—Яндинская волость.—Дамскія кольца и браслеты изъ кандаловъ Н. Г. Чернышевскаго.—Смерть и погребеніе И. С. Хаминова.—Судъ скорый, въ первый же день.—Два преданія.—Дополненіе къ лѣтописи Пежемскаго.—Изъ Иркутскихъ маскарадныхъ развлеченій.

Книжка третья. *К. А. Антоновъ.* Пребываніе въ Иркутскѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.—*П. М. Толмачевъ.* Заговоры и повѣрья въ Забайкальѣ.—*М. Овчинниковъ.* Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Олекминскомъ округѣ.—*А. Линьковъ.* Изъ исторіи народнаго образованія въ Забайкальской области до 1872 года.—*П. И. С.* Къ исторіи бурятскаго хозяйства.—Возстаніе поляковъ въ Сибири 1866 года.—*І. Константиновъ.* Чоно Баторъ (Бурятское сказаніе).—*М Овчинниковъ.* Оюнъ Кэрэкэнъ Мохсоху (Якутское преданіе).—Письма И. Д Черскаго къ Н. И. Витковскому.—*Замѣтки.*—Иркутскія эпиграммы.—Бѣльская сторожевая башня.—Изъ исторіи декабристовъ.—Карточная игра въ Восточной Сибири.—Торговые дни и часы для крестьянъ въ Иркутскѣ въ 1780 г.—Изъ учебнаго міра.—Я. О. Лейбовичъ.—Явленія прилива и отлива на Байкалѣ.—Голодный годъ въ Иркутскѣ.—Измѣненія въ сибирской природѣ.—Церемоніалъ открытія народнаго училища въ Иркутскѣ.—Послѣ Иркутскаго пожара въ 1879 г.

Книжка четвертая. *С. Х. Бейлинъ.* Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ.—*А. Линьковъ.* Дѣятели по народному образованію въ Сибири.—*М. Овчинниковъ.* Матеріалы для исторіи декабристовъ.—*А. Ермолаевъ.* Къ археологіи окресностей г. Канска, Енисейской губ.—*М. Овчинниковъ.* Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго.—*Б. Кубаловъ.* Иркутское Общество и мили-

ція въ 1807 году.—Разбойникъ Алифановъ.—*И. И. Серебренниковъ.* О старинныхъ домахъ и церквахъ въ Иркутской губ.—Учительскій вечеръ въ г. Иркутскѣ.—Береговыя укрѣпленія р. Ангары.—*Дм. Гагаринъ.* 10-лѣтіе Иркутскаго церковн. братства во имя св. Иннокентія.—Странный концертъ.

Книжка пятая. *С. Х. Бейлинъ.* Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ.—*И. Корниловъ.* Два сна якута.—Дневникъ Н. И. Витковскаго.—Изъ прошлаго о пушномъ промыслѣ въ Сибири.—Изъ міра «закрытаго» заведенія.—Первая смертная казнь въ Иркутскѣ.—*М. Овчинниковъ.* Кюнней и Юрякянъ (Якутское преданіе).—*А. Линьковъ.* Изъ исторіи народнаго образованія въ Забайкальской области до 1872 года.—Письма ученика декабристовъ.—М. *Овчинниковъ.* Вечерочныя пѣсни.—*Дм. Гагаринъ.* 10-лѣтіе Иркутскаго церковнаго братства во имя св. Иннокентія. *Замѣтки.* Къ поѣздкѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича по Иркутской губ.—Два письма, относящіяся къ археологіи Сибири.—Иркутскія эпиграммы.—Обрядъ Арчы у якутовъ Олекминскаго округа.—Изъ старинныхъ нравовъ вѣжливости въ Забайкальѣ.—Повозный сборъ въ Иркутскѣ.—Оюнъ Жохсогонъ (Якутское преданіе).—Развитіе нищенства въ Иркутскѣ въ 1793 году.—Засуха въ Иркутскѣ.—Изъ якутскихъ повѣрій.

Книжка шестая. *И. Поповъ.* Причины современнаго бродячаго образа жизни тунгусовъ Якутскаго края и тормазы, мѣшающіе имъ осѣсть.—*А. Серебренниковъ.* Якутскіе врачебные участки и ихъ внѣшняя среда за 1909 годъ.—*Д. Хрусталевъ.* Основаніе Иркутской преображенской церкви.—*А. Линьковъ.* Первый печатникъ въ Восточной Сибири.—Изъ міра Александровской централки.—*В. Загорскій.* Изъ быта и нравовъ Сибири XVIII вѣка.—*Н. Мокѣевъ.* Амуръ и Муравьевъ.—*Н Мокѣевъ.* Пасхальныя увеселенія въ Иркутскѣ. *Замѣтки.* Къ пребыванію въ Томскѣ Государя Наслѣдника.—Изъ жизни тобольскаго епископа Варлаама.—Иркутскія эпиграммы.

Книжка седьмая. *А. Линьковъ.* Ростъ учебнаго дѣла въ Восточной Сибири.—Письма И. Д. Черскаго.—*В. Загорскій.* Изъ исторіи колонизаціи русскими Иркутскаго края.—*Н. Гурьевъ.* Старинныя могилы на сибирскихъ кладбищахъ.—*Свящ. Б. Герасимовъ.* Изъ жизни Бухтарминской долины.—О бракахъ среди бурятъ буддистовъ и шаманистовъ Иркутской губ.—*П. Собокаревъ.* Отрывки изъ дневника иркутскаго обывателя.

Книжка восьмая. *А. Ермолаевъ.* Свадебные наговоры дружки въ ангарской деревнѣ.—*А. Серебренниковъ.* Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ.—*Загорскій В.* Защита Амура въ Крымскую компанію.—*Свящ. Б. Герасимовъ* Поѣздка арх. Георгія въ Бухтарминскую крѣпость.—*Н. Протасовъ.* Изъ бурятскихъ сказаній.—Къ исторіи Николаевскаго завода.—*Д. Гагаринъ.* Десятилѣтіе братства св. Иннокентія. *Замѣтки.* Прошеніе потомка полковника Искры.—Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ—Апостолъ въ Бухтарминской крѣпости.—О тунгусахъ въ Красноярскомъ уѣздѣ Енисейской губ.—Изъ якутской старины.—Фрейлины въ Усть-Каменогорскѣ.—Семеновцы въ Семипалатинской области.—А. Г. Головня.—Изъ желѣзнодорожныхъ мелочей.

Книжка девятая. *Д. Хрусталевъ.* Идейный страдалецъ.—*Георгіевичъ.* 10-лѣтіе Семипалатинскаго подъотдѣла И. Р. Г. Общества.—*Г. П. Казаковъ.* Изъ исторіи иркутскаго театра.—*А. К.* Солнечное затмѣніе въ Иркутскѣ 7 августа 1887 года. *Замѣтки.*—На «чай».—Объявленіе Иркутскаго военнаго ген.-губернатора 20 октября 1905 года.—Адресъ иркутской думы сиропитательному дому Е. Медвѣдниковой.—Кантъ гр. Сперанскому.—На гробъ капитана Делонга и его товарищей.—Священникъ-силачъ.

Книжка десятая.—Дневникъ Н. И. Витковскаго.—*Загорскій В.* Изъ начальной исторіи приходскихъ училищъ въ Иркутской губ.—А. *Савельевъ.*

Порядокъ встрѣчи Имп. Александра I во время предполагавшагося путешествія его по Сибири.—*А. Линьковъ.* Рѣчь въ день 50-лѣтія Иркутской первой И. С. Хаминова гимназіи.—М. *Овчинниковъ.* Свадебныя пѣсни.—*А. Серебренниковъ.* Первое знакомство съ Иркутской городской управой. *Замѣтки.*—Изъ минувшей войны.—Приданое А. А. Трапезниковой.—Духовное завѣщаніе П. І. Катышевцева.—Историческая справка о гражданской зрѣлости Сибири.

Книжка одиннадцатая. Дневникъ Н. И. Витковскаго.—Изъ жизни Томскаго коммерческаго училища.—*А. Савельевъ.* Изъ жизни сибирскаго духовенства въ первую половину XIX в.—М. *Овчинниковъ.* На моей памяти.—Донесеніе іер. Сергія объ его жизни въ Ургѣ.—*Н. Мокьевъ.* Иркутскій Хлестаковъ.—*М. Овчинниковъ.* Старинная свадьба въ с. Рыбинскомъ.—Къ положенію въ Сибири поляковъ, ссыльныхъ повстанцевъ.—О проступкахъ сибирскаго духовенства.—Японцы въ Сибири въ XVIII в.—Изъ бурятскихъ народныхъ сказаній.—Новый изслѣдователь Центральной Азіи.

Книжка двѣнадцатая. *Морякъ.* Сибирскіе дѣятели.—*Г. Б. Баитовъ.* О забытыхъ культурныхъ одиночкахъ.—*П. Собокаревъ.* Пріисковыя воспоминанія.—*Н. Мокьевъ.* Иркутское Іерусалимское кладбище.—*М. Овчинниковъ.* Старинная свадьба въ с. Рыбинскомъ.—*А. М. Серебренниковъ.* Изъ скитаній по сельско-врачебной части.

„Сибирскій Архивъ“ за 1913 годъ.

Книжка первая. *Аборигенъ.* Молитва сибиряка. 1 стран.—*Б. Г. Г-въ.* Къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ. 2.—*ПетръКозьминъ.* Алданскій край, Якутской области. 15.—*П. Чечинъ.* Во Владивостокѣ въ началѣ Русско-Японской войны. 23.—*С. Затолинъ.* Абрашка. 35.—*П.* М-въ. Красноярскій пожаръ въ 1891 году. 41.—*П. Собокаревъ.* Одинъ изъ столповъ Иркутска конца прошлаго столѣтія. 45.—*Замѣтки.* Устричный промыселъ въ Японіи.—Мраморный дворецъ въ Иркутскѣ.—Погроминскія и Туркинскія воды.—Ангара 42 дня подо льдомъ.—Землетрясеніе въ Красноярскѣ въ 1858 г.—Сѣверное сіяніе въ Томскѣ въ 1859 г.—Иркутскія эпиграммы.—Холера въ Семипалатинскѣ.—Чествованіе памяти П. И. Чайковскаго въ Томскѣ.—Скопческая пѣсня.—Изъ анекдотовъ географическаго отдѣла.—О журналѣ „Россія и Японія“. 50.

Книжка вторая. *Н. Чужакъ.* Сибирскіе мотивы у И. В. Ѳедорова—Омулевскаго.—*П. В. Быкопытовъ.* Изъ исторіи колонизаціи Приамурья. 61.—*С. Х. Бейлинъ.* Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ. 89.—Документы о Ѳ. М. Достоевскомъ. 91.—*Н. Ясачный.* Небесный житель. 94.—*М. Овчинниковъ.* Народныя средства при собачьемъ бѣшенствѣ. 101.—*А. Серебренниковъ.* Современный Якутскъ 105.—П. *Чечинъ.* Открытіе новаго теченія въ Японскомъ морѣ. 109.—*А. Линьковъ.* Волостной писарь за наукой 111.—*П. А. Чеканинскій.* Матеріалы по горному дѣлу Енисейской губ. 115.—*П. Чечинъ.* Борьба въ Китаѣ съ уродствомъ женскихъ ногъ. 118.—*В. Грачевъ.* Къ вопросу о созданіи въ Иркутскѣ педагогическаго музея. 121.

Книжка третья. *П. Чечинъ.* Записки японцевъ о Россіи конца XVIII и начала XIX в. 123.—*Н. Мокьевъ.* Памяти иркутянина—писателя С. С. Шашкова. 145.—*Свящ. Б. Герасимовъ.* Частные музеи въ Семипалатинской области. 151.—*П. Г. Кузнецовъ.* Мелочи Омской старины. 160.—*А. Савельевъ.* Работы Пинчугскаго Волостного Правленія по этнографіи тунгусовъ. 164.

Книжка четвертая. *П. П. Серебренниковъ.* Иркутская губернія въ изображеніи «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. 169.—М. *Овчинниковъ.* Изъ воспоминаній моей Канской ссылки. 191.—*Н. Мокьевъ.* Пожаръ

Иркутскій въ 1879 г. и его предшественники. 198.—*А. Старовѣръ*. Мелочи Иркутской купеческой старины. 211.—*И. Поповъ*. «Современный Якутскъ». 217.—*Замѣтки*. Къ посѣщенію Фукушимой г. Усть-каменогорска.—Еще о силачѣ-священникѣ.—Изъ поѣздокъ по епархіи еп. Исаакія.—Цѣнная рукопись И. А. Худякова.—«Русскій обрижъ». 219.

Книжка пятая. *А. Линьковъ*. Можетъ ли Сибирь быть «прекрасной лѣтней резиденціей» при условіи осуществленія проэкта К. А. Райкера? 225.—*А. Серебренниковъ*. Къ пребыванію Н. Г. Чернышевскаго въ Вилюйскѣ. 236.—*П. Собокаревъ*. Изъ жизни служащихъ на Витимскихъ пріискахъ въ 80-хъ годахъ. 244.—М. *Овчинниковъ*. Изъ воспоминаній моей Канской ссылки. 248.—*А. Серебренниковъ*. Мой отвѣтъ И. И. Попову. 267.—*Н. Чужакъ*. О сибирской и иносибирской интеллигенціи. 270.

Книжка шестая—восьмая. *С. Семеновъ*. Декабристы въ Ялуторовскѣ. 276.—*Ив. Чеканинскій*. О частушкахъ Енисейской губ. 285.—*Н. Ясачный* Какъ они открыли школу. 303.—*А. Серебренниковъ*. Нохтуйскъ—Мача. 314.—*Н. Чужакъ*. Сибирскіе поэты. 332.—М. *Овчинниковъ*. Матеріалы для біографіи А. И. Кирилова. 347.—*А. Ермолаевъ*. Матеріалы по народной медицинѣ среди русскаго населенія Енисейской губ. 358.—*А. Линьковъ*. Къ выставкѣ Иркутской старины. 374.—*К. Дубровскій*. Первый романтикъ русской народности. 378.—*Н. Мокѣевъ*. О судьбѣ Щаповскихъ бумагъ. 384.

Книжка девятая—одиннадцатая. *А. Семеновъ*. Религіозный переломъ на Алтаѣ. 388.—*М. Овчинниковъ*. Изъ воспоминаній моей Канской ссылки. 398.—*П. Козьминъ*. Подсидѣлъ. 413.—*И. Чеканинскій*. Нѣсколько народныхъ загадокъ. 421.—А. А. *Іонинъ*. «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири.» (Сибирская лѣтопись.) 424.

Книжка двѣнадцатая. А. *Семеновъ*. Убійство Сабанскаго. 503.—*Е. Гонсовичъ*. Гора «Шапка» на р. Амурѣ. (Матеріалы къ изученію памятниковъ древности на р. Амурѣ.) 505.—*П. Собокаревъ*. Отрывокъ изъ исторіи Иркутскаго городского ломбарда. 523.—*К. Рычковъ*. Хенукычанъ. (Тунгузская сказка). 530.—А. *Линьковъ*. „Къ исторіи областного музея въ г. Томскѣ". 536.—*Замѣтки*. Рождественское славленіе Христа въ с. Митрофановскомъ, Семипалатинской обл.—Изъ исторіи Минусинской женской прогимназіи.—Небрежное храненіе Киренскаго архива.—Изъ жизни И. С. Хаминова.—Стихотворенія и отрывки изъ русско-японской войны.—Нѣкоторыя данныя о происхожденіи названія дер. Дворецъ.—Школьное дѣло на Дальнемъ Востокѣ.—† Прот. И. А. Подгорбунскій и Н. П. Протасовъ.—Три молитвы для привораживанья.—*Письмо въ Редакцію* о дѣятельности общества взаимнаго вспомоществованія учащихъ и учавшихъ въ Енисейской губерніи.

Подписная плата на „СИБИРСКІЙ АРХИВЪ" въ 1914 году:
на годъ—**4** рубля, на полгода—**2** рубля, на 3 мѣс.—**1** руб., на 2 мѣс.—**70** коп., на 1 мѣс.—**35** коп.

Подписка направляется по адресу: г. Минусинскъ, Енисейской губерніи, Директору Учительской Семинаріи, **Александру Ивановичу Линькову.**

Полный комплектъ журнала за 1912 годъ высылается за 5 руб., за 1913 годъ—за 4 рубля. Имѣется ограниченное число комплектовъ.

Редакторъ-Издатель А. И. Линьковъ.

Иркутская городская ... библиотека
199733